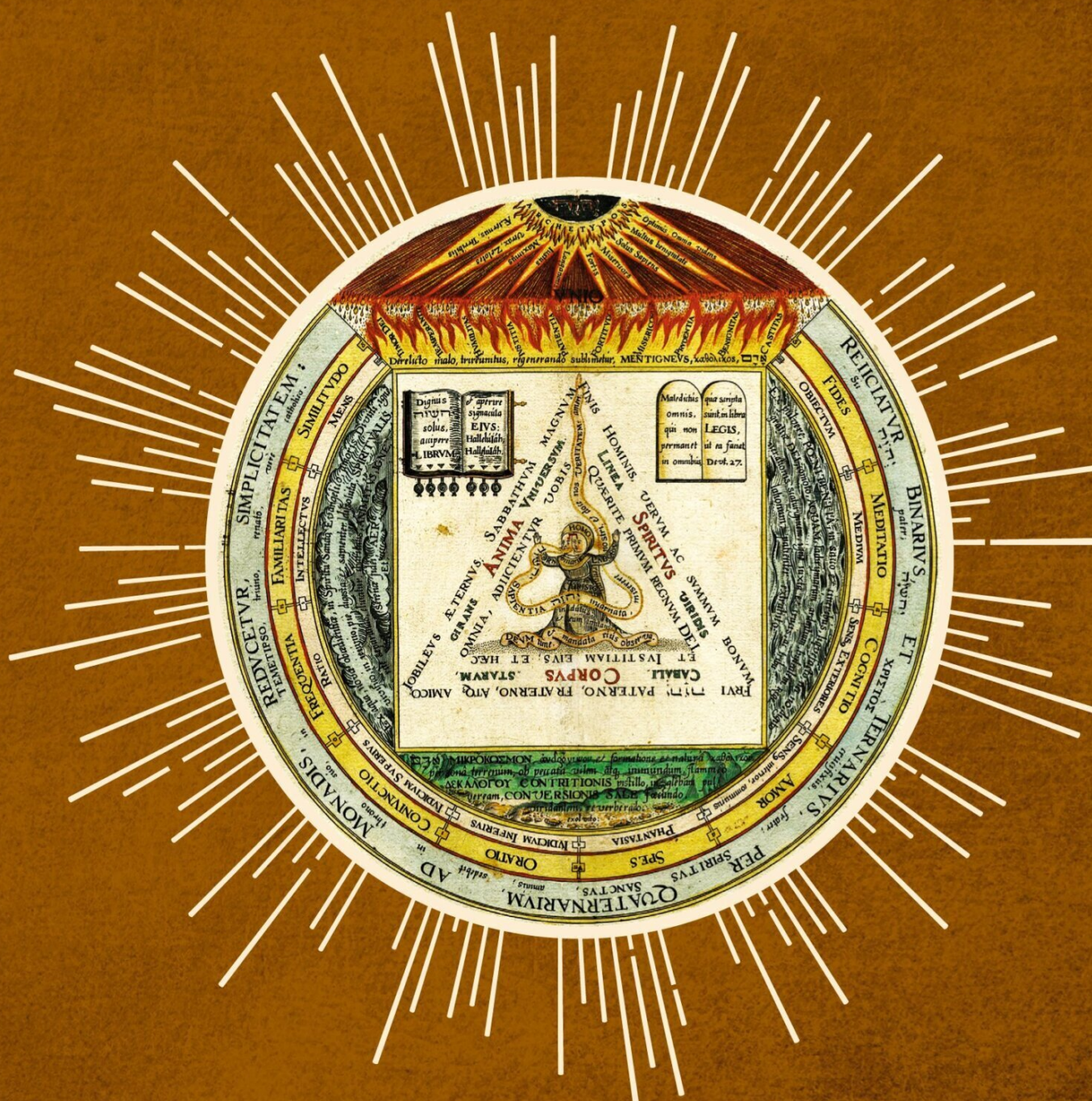

ИСТОРИЯ МАГИИ И СУЕВЕРИЙ

От древности до начала XX века

Альфред Леманн

Альфред Леманн

**История магии и суеверий
от древности до наших дней**

«Азбука-Аттикус»

1883

УДК 133.4+94
ББК 86.4+63.3(0)

Леманн А.

История магии и суеверий от древности до наших дней /
А. Леманн — «Азбука-Аттикус», 1883

ISBN 978-5-389-20275-7

Фундаментальное исследование магических верований с древнейших времен и до начала прошлого века, жемчужина мирового литературного наследия, блестящий образец вершины человеческой мысли. Доктор Альфред Георг Леманн (1858—1921), знаменитый датский физиолог и психолог, директор психофизической лаборатории в Копенгагене, один из пионеров научного изучения психологической природы суеверий, выявляет связи между магией, религией и наукой, рассказывая о древних способах познания мира, распространенных у халдеев, египтян, греков, римлян и викингов, об астрологии, алхимии, хиромантии, арифмомантии, герметизме и каббале. Подробно останавливаясь на истории спиритизма, он освещает главные этапы его развития и анализирует причины популярности веры в духов, вещие сны, телепатию и ясновидение, а также в деталях представляет учения таких известных мистиков и оккультистов, как Эммануил Сведенборг, Эндрю Дэвис, Альфред Рассел Уоллес, Уильям Крукс, Фридрих Цёльнер, Елена Блаватская и другие. Многогранное историческое повествование снабжено многочисленными рисунками и иллюстрациями. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 133.4+94
ББК 86.4+63.3(0)

ISBN 978-5-389-20275-7

© Леманн А., 1883

© Азбука-Аттикус, 1883

Содержание

Предисловие автора	7
Введение	9
Отношение суеверия и магии к религии и науке	9
Предмет исследования	9
Определение суеверия	10
Определение магии	12
План исследования	14
Суеверие и волшебство у диких народов	16
Религиозные представления диких народов	16
Религиозная магия у диких народов	20
Волшебство у дикарей	28
Часть I. Мудрость халдеев и развитие ее в Европе	29
Халдеи	29
Религия халдеев	29
Демонология и искусство заклинания	31
Чародейство	36
Авгуральные науки	37
Распространение халдейской магии	43
Греки и римляне	44
Первобытная греческая магия	44
Греческая магия после персидских войн	53
Римляне	56
Евреи	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Альфред Леманн

История магии и суеверий. От древности до начала XX века

Суеверие заключается в ошибочном понимании. Но если интересно указать на эти ошибки, на неверное объяснение известных наблюдений, то не менее интересно найти те физические и психические явления, которыми были обусловлены эти ошибки. Только произведя такое исследование, мы можем признать нашу работу законченной; так как мы лишь тогда можем называть известное воззрение суеверием, или заблуждением, когда будет доказано, что оно возникло из неверного объяснения известных фактов, которые впоследствии, через приобретение новых знаний, получили совершенно другое освещение.

ALFRED LEHMANN

Overtro og trolddom fra de aeldste tider til vore dage

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2022

КоЛибри®

Предисловие автора

Прилив суеверия в настоящее время сильно идет на подъем. В последние годы не только появилось много сочинений о волшебстве, частью в форме исторического изложения, частью в форме перепечатки старинных сочинений о магии, но и в пользующихся уважением философских и психологических журналах наряду со строго научными статьями печатались также истории о привидениях и бабьи сказки. Некоторые известные представители науки устраивали опыты с профессиональными спиритическими медиумами и после нескольких сеансов, не умея отличать немногие (конечно, необыкновенные, но вполне естественные) действия этих медиумов от многочисленных их фокусов, стали принимать за чистую монету все спиритические «проявления» и вследствие такого легко полученного убеждения более или менее открыто стали заявлять себя сторонниками спиритизма. Таким образом, магия, подобно эпидемии, захватывает большие культурные центры.

Поэтому популярное изложение истинной сущности всех этих мистических фактов представляет действительную потребность. Разумеется, оно едва ли убедит тех, кто верит в возможность волшебства; но оно будет полезно для тех, кто хотя и отказывается верить этим таинственным историям, но в то же время, постоянно слыша о них, не знает определенно, чему в них можно верить и как к ним следует относиться, а в таком положении до сих пор находится большинство образованных людей. Ввиду этого я и делаю опыт такого изложения.

При обработке моего труда из него вышло нечто иное, чем я вначале предполагал. С первого раза я поставил себе задачей только исследование тех физических и психических явлений, которые были источником происхождения различных форм суеверия, в особенности новейшего суеверия – спиритизма.

Однако вскоре я увидел, что такое ограничение практически неприменимо. Хотя спиритизм возник только в наше время в Америке, он не составляет изолированного явления. Как бы ни желали скрыть этого спириты, несомненно, доказано, что все их учение имеет своим источником европейские средневековые суеверия и отчасти лишь изменило свою форму применительно к новейшим естественно-научным воззрениям. Поэтому невозможно дать объяснение спиритизма, не указав на его связь со старинными магическими теориями. К этому присоединяется еще и то, что сами спириты в последнее время извлекли из пыли библиотек значительное количество старинных магических сочинений, сообщениями которых они пользуются как доказательствами справедливости их учения. Поэтому для всестороннего рассмотрения спиритизма требуется знакомство и со старинной магией.

На этом основании мне пришлось войти в область чисто исторического изучения, которое постепенно затронуло такую массу материала, что уже было невозможно рассмотреть в психологическом исследовании даже самую необходимую его часть. Вследствие этого я решился отделить историческую часть от психологической и предоставить читателю идти к пониманию изучаемых явлений тем же путем, каким шел и я сам. Таким образом, работа моя получила настоящий вид: сначала идет историческая часть, распадающаяся на два раздела, а за ней следует вторая часть, которую я и теперь считаю важнейшей, представляющая собой психофизическое исследование тех явлений, с которыми мы уже познакомились в их историческом изложении.

Я счел нужным заранее сказать о происхождении и идее моей работы для того, чтобы исторической ее части не было придано неверной оценки. Последняя вовсе не стремится исчерпать весь относящийся к теме материал, иначе эта книга выросла бы в обширное, многотомное сочинение. В частности, я не останавливался на собственно историческом процессе развития и на взаимном влиянии друг на друга различных народов, которое часто обрисовывается лишь в нескольких строках. Я постоянно имел в виду ту главную цель, чтобы дать

самые разные и подробные сведения о суеверных воззрениях и магических действиях и таким образом получить столь возможно более широкое основание для психологического объяснения фактов. В некоторых местах я, может быть, зашел слишком далеко в своем желании резко разграничить существующие различия, например в отделении восточной магии от первобытной европейской, где я выставил их противоположность резче, чем делали другие изучавшие эту область. Кроме того, я не считал нужным упоминать о явлениях, имевших место у отдельных народов в определенное время, если об этих явлениях мной уже было ранее сказано по другому поводу. Но так как историческая часть моего труда является скорее дополнительной, представляя собой лишь рамку для группирования фактов, я надеюсь, что подобный способ обработки материалов получит снисходительную оценку со стороны критики.

Если мне удалось сколько-нибудь полно и удовлетворительно выполнить мою задачу, то этим я обязан прежде всего чрезвычайной благосклонности и предупредительности, которыми я пользовался со всех сторон. Было бы слишком долго приводить здесь имена всех лиц, оказавших мне содействие своими советами и указаниями в их специальной области: число их так велико, что при перечислении их я невольно мог бы кого-нибудь пропустить. Поэтому я ограничусь выражением моей искренней и сердечной благодарности всем тем, кто своим вниманием к моему труду дал мне силу довести его до конца.

Представляя этот труд на благосклонный суд читателей, я надеюсь, что он будет способствовать распространению знания и понимания тех явлений, которые составляют предмет настоящего исследования.

Альфред Леманн
Копенгаген, апрель 1893 г.

Введение

Отношение суеверия и магии к религии и науке

Предмет исследования

Предмет предстоящей нам работы всего короче и точнее определяется словами «История общечеловеческих заблуждений». Суеверие и чародейство – это первые шаги человеческой мысли в религиозной и научной области. Может показаться лишним делать эти явления предметом особого исследования: история религиозной и научной эволюции одинаково хорошо может дать представление как о заблуждениях отдельных эпох, так и о том, что сохранило ценность до настоящего времени. В самом деле, человек достигал познания истины не иначе, как впадая в заблуждения и постоянно освобождаясь от них. Следовательно, во всяком сколько-нибудь ясном изложении эволюции религий и наук нельзя обойтись без обсуждения суеверий различных времен, так как суеверия – это те ошибочные пути, на которые человеческая мысль невольно попадает и через которые пробирается, добываясь ясного и глубокого понимания.

Тем не менее есть существенное различие между обработкой, которой суеверие и магия подвергаются в истории религии и науки, и тем изображением этих явлений, которое я хочу предложить. Для более детального указания на это различие возьмем какой-нибудь известный пример. Общеизвестен тот факт, что происхождение современной научной химии нужно искать в алхимии, в стремлении изготовить золото; поэтому автор исторического сочинения по химии, если только не хочет насиловать факты, должен начать с описания самых первых опытов по изготовлению золота: именно благодаря этим опытам были накоплены первые химические сведения и образовался первоначальный взгляд на природу вещей и на их взаимное отношение. В детском периоде химии современного химика, естественно, более всего интересуют те верные положения, которые в течение времени были найдены, хотя при нахождении их исходили из ложных предположений и стремились к иллюзорной цели. Всякий химик, желающий знать историю развития своей науки, должен главное внимание обратить на рассмотрение того, что сохранило свою ценность. Наоборот, он может не особенно интересоваться культурно-историческим значением алхимии, то есть тем, что стремление превратить все неблагородные металлы в золото и серебро в течение нескольких столетий наполняло жизнь если не целых народов, то, во всяком случае, некоторых общественных классов. Эта-то культурно-историческая сторона дела и будет служить предметом нашего обсуждения.

Что, таким образом, выяснено по отношению к химии, одинаково имеет значение для астрономии, а частью также и для физики. Во всех этих науках, по крайней мере отчасти, первоначально ставились цели, признаваемые теперь за совершенно ненаучные, а все-таки постоянно шло накопление верных сведений. Именно эти-то сведения и интересны для пишущего историю своей науки. Наоборот, мы главное внимание обратим на предположения и наблюдения, оказавшиеся ложными: они гораздо более, чем верно установленные факты, кладут печать оригинальности на отдельные эпохи и народы, а потому вполне заслуживают особого исследования.

Первой нашей задачей будет точное определение того, что вообще понимается под суеверием и волшебством. Я сказал выше, что это как бы блуждание мысли в религиозной и научной области, но такое определение настолько неясно, что оно недалеко от ложного – оно нуждается в дальнейшем освещении. Ввиду этого мы займемся сначала исключительно суеверием.

Определение суеверия

Что суеверие есть заблуждение, что оно заключается в предположениях, которые ни в религии, ни в науке не пользуются признанием, в этом, вероятно, все будут согласны; но вместе с тем дело обстоит так, что чрезвычайно трудно квалифицировать какой-либо взгляд как суеверный.

Мы имеем дело не с одной религией, а со многими, и то, что одному может представиться величайшей глупостью и суеверием, для другого является религиозным догматом, в справедливости которого он никогда не сомневался. При такой разнице взглядов у различных современников понятно, что еще больший контраст обнаруживается между мнениями, господствовавшими в разное время. Наука, так же как и отдельные религии, в своем развитии испытывает постоянные изменения. То, что в одно время самому опытному исследователю кажется вполне законным предположением, в другое время рассматривается как совершенно несогласное с мировым порядком; мнение, трактуемое в какой-нибудь определенной церкви как неопровержимый догмат, 100 или 1000 лет спустя объявляется опасной ересью и преследуется самым настойчивым образом. Границы суеверия в высшей степени неуловимы, и назвать ли какой-либо взгляд суеверием или нет, всегда зависит от точки зрения, с которой его рассматривают. Несколькими примерами легко можно доказать справедливость этого утверждения.

Большинство образованных людей в протестантских странах считают веру в демонов, привидения, домовых и пр. суеверием уже потому, что и само евангельское учение вовсе не считает веру в существование их необходимым догматом.

Правоверный католик иначе относится к этому вопросу: известно, что даже еще в наше время в южных странах производятся заклинания бесов, притом вовсе не одними только невежественными монахами, но и высокопоставленными духовными лицами. Католическая церковь учит, что даже в наши дни бесы могут вселяться в людей, хотя так называемое беснование всеми признается за болезнь, природу которой легко определит всякий врач, ведению которой она и подлежит. Что, таким образом, одному кажется неопровержимым догматом, другой называет суеверием. В чисто научной области наблюдается то же самое: и здесь решение вопроса, считать ли какое-либо мнение суеверием или нет, зависит от точки зрения. Нельзя совершенно оспорить даже и возможность изготовления золота; многое говорит за то, что все наши так называемые элементы, например металлы, – все это только видоизменения единой материи. Следовательно, вполне возможно, что один металл может превратиться в другой – только не при помощи тех средств, которыми мы располагаем в данный момент.

Итак, если теперь какой-нибудь влиятельный естествоиспытатель заявит, как это и случилось несколько лет тому назад, что ему удалось найти средство одни металлы превращать в другие, то к этому известию отнесутся несколько скептически, но суеверным такой взгляд не назовут, потому что вполне возможно, что когда-нибудь будет найдена сила, производящая такие изменения: да и знаменитый исследователь без основания не выпустит такого известия в свет. Но вот другой станет рассказывать, что изготовил золото с помощью «философского камня» – это было вещество, по мнению алхимиков, не только превращавшее один металл в другой, но и увеличивавшее их количество, могущее исцелять все болезни и продлевать жизнь, – такого человека без колебания назовут суеверным, так как допущение существования подобного вещества находится в полном противоречии с нашим знанием природы и ее законов.

Итак, даже в чистой науке признание данного взгляда за суеверие или нет находится в зависимости от субъективной точки зрения.

Решительно то же самое можно сказать и о суевериях разных веков: называется ли какое-нибудь мнение суеверием или нет, об этом можно судить по развитию мысли в данное время. Мы называем суеверным того человека, который в наше время верит в существование фило-

софского камня с его удивительными свойствами; для средневекового ученого-магика такое мнение не было суеверием. Они ведь не знали, что в природе каждое изменение является результатом множества разнообразных, взаимодействующих причин и что поэтому нельзя с помощью одного вещества вызывать такие разнообразные действия, как превращение металлов в золото и исцеление болезней. Еще менее подозревали они о положении, являющемся основным для всей современной химии, именно что количество материи в мире неизменно, что материя не уничтожается и не может быть создана. Наоборот, они полагали, что часто наблюдали уничтожение материи, например при горении; по их понятиям, вполне было в порядке вещей, что кусочек философского камня величиной с горошину мог бы превращать фунт меди или свинца в чистое золото. Мы не назовем такое мнение суеверием, потому что оно было в полном согласии с тогдашним взглядом на природу. Только многочисленные неудавшиеся попытки получить философский камень убедили этих исследователей, что их желание идет вразрез с мировым порядком. Тогда-то учение о философском камне из научного превратилось в суеверное.

Все сказанное относится и к астрологии. Мнение, что движение звезд является причиной всех изменений на земле, так же древне, как история человеческого рода; во всяком случае, у халдеев его можно проследить за 2000 лет до начала нашего летоисчисления, а так как, кроме того, движение звезд считали периодическим, то делали отсюда совершенно понятный вывод, что ничто не ново под луной, что все в мире повторяется. Стоит только заметить, что происходит на земле в то время, как созвездие занимает какое-либо определенное положение, и можно будет предсказать, что случится, когда то же самое созвездие покажется опять. Исходя из таких предположений, халдеи создали из астрологии целую науку, которую переняли от них и еще более развили средневековые ученые-магики; только открытие Кеплером законов движения планет нанесло смертельный удар астрологической мудрости. В этом случае мы имеем новый пример, как то, что в течение тысячелетий признавалось за науку, позднее прогрессом знания низведено было до степени суеверия.

Совершенно таково же отношение суеверия к религии. В очень многих случаях суеверие является только пережитком более ранней религии; раньше служившее для всех предметом веры и признававшееся официально после, когда соответствующая религия уничтожается, продолжает существовать как народное суеверие; высокочтимый бог превращается в презренного черта. История слова «демон» расскажет нам об этом переходе. Греческое слово δαίμων значило сначала просто божество, потом стало употребляться для именования божеств, на которых смотрели скорее как на низших сравнительно с главным богом или как на богов вообще низшего разряда. Затем, когда совсем уже обессилившее язычество было официально уничтожено, демоны стали рассматриваться как злые существа, а во время мрака Средних веков – как разные черты и нечисть, то есть демоны в нашем смысле этого слова; совершенно аналогичное явление мы видим в том, что античная наука в Средние века превратилась в магию.

То же самое произошло в старину и в Персии при переходе от старого язычества доисторических иранцев к религии Зороастра. Прежние боги, носившие имя deva, какое и теперь еще имеют боги индусов, стали дьяволами, подданными губительного Аримана; их культ был строго воспрещен и перешел в заклинание нечистой силы. Вместе с тем персидское слово dava (= deva) совершенно так же, как позднее греческое δαίμων, стало употребляться для именования дьявола. Когда современный перс говорит о злом «Део», со страхом относясь к нему, то едва ли он догадывается, что источник его суеверия когда-то был почитаем за бога.

В эволюции религии можно указать много подобных явлений; из них мы впоследствии приведем несколько примеров, а пока ограничимся одним.

Отцы Церкви I века н. э. верили в существование демонов; эта вера была церковным догматом; с другой стороны, они утверждали, что демонов не надо бояться, так как они не

могут повредить истинному христианину. Прошло 1000 лет. Произошло значительное изменение отношения к демонам. Явилось верование, что всякий вступающий в письменный договор с дьяволом получает возможность с помощью младших бесов обделаться множеством делишек себе на пользу и во вред своему ближнему.

Сам Лютер не опроверг этого суеверия, и это учение – правда, с существенными изменениями – перешло в протестантскую церковь. Реформация не произвела ни малейшего изменения в процессах о ведьмах, еще 150 лет спустя свирепствовавших в Европе, до тех пор, пока победоносно шествовавшее естествознание, хотя и слишком поздно, не образумило людей. Вместе с тем исчезло и учение о письменных договорах с дьяволом. Но остается все-таки тот факт, что это учение, представляющееся нелепым, какое только могла измыслить человеческая фантазия, когда-то входило в состав религии.

Этих примеров достаточно для объяснения того, что мы хотим сказать. Ни одного мнения нельзя называть суеверием потому только, что оно находится в противоречии с нашими теперешними религиозными и научными мировоззрениями. Оно суеверие только для нас, но вряд ли существует хоть одно мнение, называемое нами суеверным, которое не составляло бы когда-нибудь части религиозной и научной системы.

Желающий обозначить точные границы суеверию должен всегда иметь в виду эту относительность, и мы твердо должны держаться следующего положения.

Суеверие есть каждое мнение, не пользующееся признанием в какой-либо религии или стоящее в противоречии с научным взглядом на природу в какое-нибудь определенное время. Или, другими словами: воззрение, которое у нецивилизованного дикаря показывает, быть может, довольно развитое религиозное сознание и как таковое заслуживает внимания, в устах образованного человека нашего времени, очень вероятно, покажется смешным суеверием.

Таким образом, как видит читатель, суеверие – явление, достойное внимания. Стоит только немного изменить точку зрения, и мы будем иметь право назвать суеверием не только религии дикарей, но и более возвышенные религиозные представления, по крайней мере отчасти. Именно, если мы, отрешившись на время от наиболее просвещенных религиозных представлений и современного научного взгляда на природу, начнем исследовать, каким образом человечество достигло этих относительно совершенных понятий, то увидим, что у различных народов в разное время господствовали совершенно другие мировоззрения. Так как для нас это уже пройденные точки зрения, то мы вправе будем назвать их заблуждениями, через которые суждено было пройти человечеству; таким образом, все, что не находится в согласии с нашим взглядом на вещи, есть суеверие.

Это рассуждение является основанием для всего последующего изложения. Я сказал выше, что мы рассмотрим в этом сочинении человеческие заблуждения, а следовательно, нам будет нужно, признав нашу точку зрения за высшую относительно бывших до сих пор, исследовать, как появлялись и снова исчезали различные неверные взгляды, ошибки и суеверия.

Определение магии

До сих пор речь у нас шла исключительно о суеверии, а волшебство, магия оставались без всякого рассмотрения; так поступали мы вполне обдуманно, потому что одно неразрывно связано с другим. Суеверие – это теория, а магия – деятельность, являющаяся результатом такой теории. Магия происходит от суеверия точно так же, как из каких-либо религиозных представлений возникает известный культ, определенное богослужение или как вслед за познанием сил природы идет их применение. Если верят в существование демонов, то есть низших духов, помощь которых в том, чего иным способом нельзя достигнуть, можно купить или вынудить, то вполне естественно, что в таком случае станут пробовать, нельзя ли добиться этой помощи. Всякий поступок, являющийся результатом такого мнения, есть магия. Если верят, что злые

духи могут причинять вред, то, конечно, ищут надежные способы помешать этому, и вот вам чародейство. Или, положим, существует убеждение, что все совершающееся в мире определяется движением звезд и их взаимным положением, – от такого мнения очень недалеко до стремления определять судьбу какого-либо человека по созвездию, в котором находилось Солнце в момент его рождения, а это тоже магия.

Коротко и точно: каждый поступок, вытекающий из суеверия, есть магия или чародейство. К этому мы еще прибавим: всякое действие признается за магическое, раз только его объяснение исходит из суеверных представлений.

Цель такого добавления, конечно, ясна. Представьте себе, что какой-нибудь дикарь, вполне находящийся под властью предрассудков своего племени, присутствует при некоторых физических опытах, которые производят на него сильное впечатление, а это вполне возможно при состоянии современной науки; вне всякого сомнения, экспериментатор покажется ему большим и опасным чародеем: он будет объяснять себе опыты согласно со своими представлениями и, без сомнения, решит, что человек, который в состоянии производить подобные чудеса, имеет в своем распоряжении могущественных духов. Другими словами, совершенно естественные явления он сочтет за волшебство, за магию. Но нам и не нужно придумывать примеры для иллюстрации того, что часто чьи-либо действия принимаются за колдовство, хотя в глазах действующего лица они совершенно естественны; история дает достаточно таких примеров. Всюду, где только малоцивилизованный народ сталкивается с другим, владеющим более развитой наукой, результаты последней признаются за магию. Так было, например, в Средние века, когда европейцы столкнулись с маврами, достигшими большого развития в естествознании. Средневековые ученые по большей части вышли из арабских университетов, и знание, которое они оттуда вынесли, для невежественной толпы было магией. Даже сами ученые называли свою науку «натуральной магией», на самом же деле в некоторых частях это было не что иное, как то, что теперь мы называем естествознанием, потому что оно основывалось на познании законов природы. Вот что пишет Каспар Шотт в своем большом сочинении *Magia universalis naturae et artis* (1657): «Под натуральной магией я понимаю надежное и глубокое познание тайн природы, так что, когда становятся известными природа, свойства, скрытые силы, симпатии и антипатии отдельных предметов, то можно вызывать такие действия, которые людям, незнакомым с причинами их, кажутся редкостными и даже чудесными». Здесь, таким образом, было решительно высказано, что являющееся для посвященных вполне естественным в глазах невежественной толпы есть магия.

Самый простой и естественный поступок при желании можно объяснить как чародейство: когда старуха, отправившись по каким-то своим делам, переходит поле, это, конечно, самый заурядный случай, но два или три столетия тому назад такое обстоятельство могло стать опасным для жизни. Если бы случилось, что именно из стада, которое паслось в поле, одно животное спустя некоторое время заболело, то было бы решено, что, конечно, виновницей этой болезни является старуха. Она заколдовала скот, значит, она была ведьмой. Несомненно, что многие из женщин, сожженных во время процессов о ведьмах, не имели на своей совести более значительных грехов, чем наша старуха. Один и тот же поступок мужчины мог не привлечь никакого внимания или же быть истолкован как колдовство и привести его на костер. Это крайняя степень суеверия.

Итак, мы твердо убеждены, что всякий поступок, являющийся результатом суеверия или объясняемый суеверными представлениями, есть магия.

Сводя магию к суеверию, мы избегаем двух трудностей, с которыми приходилось бороться предшествовавшим исследователям. Во-первых, мы получаем более точное и изящное, чем это было возможно раньше, определение сущности магии. Большинство прежних исследователей под магией понимали действия, для которых нужна была помощь демонов; но это не совсем правильно. Ни в алхимии, ни в астрологии, ни в остальных науках о предска-

зании нет и речи о демонах, а между тем предмет занятий этих наук нужно считать за волшебство. К этим соображениям присоединяется еще то обстоятельство, что первоначально все европейские народы занимались волшебством без всякой мысли о каком бы то ни было содействии демонов; поэтому магия вовсе не обязательно предполагает веру в демонов. Чтобы иметь право признать что-либо за чары, не требуется участия в нем демонов; вполне достаточно, если оно происходит от суеверных представлений, все равно каких. Все это заключается в нашем определении.

Еще большая трудность, которой мы избегаем, заключается в проведении границ между волшебством и чудом. Само собой разумеется, что относительность, которую мы установили для суеверия, обязательна и для магии, раз мы ее определяли посредством суеверия. А отсюда следует, что всякое действие или событие, с одной точки зрения рассматриваемое как чудо, с другой – является волшебством. Когда какое-либо действие объясняется исходя из религиозных представлений, то есть когда оно признаётся результатом непосредственного действия Божества, то оно будет чудом в глазах того, кто принимает такое объяснение. И наоборот, то же самое действие, если его станут объяснять исходя из суеверных представлений, оказывается магией.

Убедительный пример для доказательства нашей мысли мы имеем в событиях, сопровождавших выход евреев из Египта.

Во второй книге Библии (Исх. 7:10–12) мы читаем: «Моисей и Аарон пришли к фараону и сделали так, как повелел Господь. И бросил Аарон жезл свой пред фараоном и пред рабами его, и он сделался змеем. И призвал фараон мудрецов и чародеев; и эти волхвы Египетские сделали то же своими чарами: каждый из них бросил свой жезл, и они сделались змеями». И так повторялось несколько раз. Когда Моисей превратил в реках воду в кровь и вызвал лягушек из земли – то же делали и мудрецы египетские. В то время как евреям действия Моисея казались чудом, потому что были произведены благодаря помощи Бога, египетские жрецы рассматривались ими как кудесники и заклинатели, потому что хотя они сделали то же, что и Моисей, но при помощи неистинного бога. Каждый легко себе представит, что египтяне смотрели на дело совершенно противоположным образом: Моисей казался им могучим чародеем, совершавшим много удивительных поступков, но и их жрецы могли творить при помощи богов подобные же чудеса.

Не подлежит никакому сомнению, что египтяне смотрели на вещи именно таким образом. Сохранились еще писания I века н. э., из которых явствует, что язычники на чудеса Христа и Его апостолов смотрели как на магию.

Таким образом, каждый раз мы возвращаемся к отправному пункту. Что для одного чудо, произведенное при помощи Бога, в которого он верит, то для другого, именно потому, что он не верит в этого Бога, является колдовством. Многое из того, о чем мы в дальнейшем изложении будем рассуждать как о магии или волшебстве, в свое время и в своем месте составляло религиозную церемонию, которая имела целью вызвать действие Бога, или, иными словами, «чудо»; с нашей же точки зрения это, конечно, волшебство.

План исследования

Теперь мы пришли к тому, что можем дать себе отчет, что именно следует разуметь под словами «суеверие», «волшебство» или «чародейство», и вместе с тем определили границы области тех явлений, которые составят предмет дальнейшего рассмотрения. Нам остается еще в коротких словах установить план нашего исследования.

Для нас, конечно, представляется наиболее интересным проследить развитие суеверия в Европе. Не требуется, однако, больших сведений, чтобы видеть, что это развитие вовсе не идет по прямой линии от одного пункта и что источники его находятся вне Европы. Из всей

массы суеверных представлений, в разное время господствовавших в нашей части света, лишь очень небольшая часть обязана своим происхождением различным европейским народам; другая же, большая, часть заимствована от народов Востока. Это заимствование происходило в разное время и различными путями. Не считая того, что произведено первоначально отдельными европейскими народами, можно указать, по крайней мере, на три главных источника европейских суеверий. Первый поток идет от халдеев, со времени похода Александра Македонского в Персию. Второй имеет смешанное иудейско-египетско-арабское происхождение и внесен был в Европу маврами. Наконец, третий появился в половине нынешнего века из Америки, но в нем есть большая примесь индусских (буддийских) элементов. Каждое из этих главных течений имеет свой оригинальный характер и долгое время держится обособленно, пока наконец не сливается с другими течениями. Поэтому мы должны не только проследить ход каждого из них, но изложить также результаты, к которым привело их смешение.

Когда мы таким образом отдадим себе отчет относительно фактической стороны дела и изучим те формы, в которых в течение времени проявлялись суеверие и волшебство, тогда мы перейдем к исследованию причин всех этих явлений. Как и все на свете, суеверие тоже должно иметь какие-нибудь причины. Если человек думает, что он видит привидение, то несомненно, что он что-нибудь видит. Это может быть освещенная луной занавеска, слегка колеблемая движением воздуха через открытое окно; а может быть и то, что все явление основано лишь на болезненном состоянии мозга наблюдателя; в обоих случаях, несомненно, существует некоторое восприятие, только объяснение его неправильно. Таким образом, за всяким суеверным представлением находится какое-нибудь наблюдение, которое только неверно объясняется. Суеверие заключается в ошибочном понимании. Но если интересно указать на эти ошибки, на неверное объяснение известных наблюдений, то не менее интересно найти те физические и психические явления, которыми были обусловлены эти ошибки. Только произведя такое исследование, мы можем признать нашу работу законченной; так как мы лишь тогда можем называть известное воззрение суеверием, или заблуждением, когда будет доказано, что оно возникло из неверного объяснения известных фактов, которые впоследствии, через приобретение новых знаний, получили совершенно другое освещение.

В этом заключительном исследовании я вижу главный центр тяжести моей работы. Но так как разрешение этой части нашей задачи в значительной степени облегчится, если мы проследим суеверие до самого его возникновения, то есть до тех его форм, которые оно имеет у первобытных людей, то мы предпошлем нашему исследованию краткий очерк суеверия и волшебства у диких народов.

Суеверие и волшебство у диких народов

Религиозные представления диких народов

Древнейшие имеющиеся у нас исторические данные происходят от египтян и от древнего халдейского народа Аккада; они доходят до 4000 лет ранее нашей эры. Ранее этого мы уже не можем исторически проследить развитие человеческого рода. Но египетские и аккадские источники указывают на то, что уже в самые древние, неизвестные нам времена эти народы образовали большие государства, управлявшиеся могущественными царями и обладавшие высокой культурой. Из этих сведений мы можем только косвенным образом получить, и то лишь неточное представление об условиях жизни первоначального человечества. Прогрессивное развитие должно было продолжаться очень долго, прежде чем человек достиг той степени, на которой стояли египтяне и аккадцы древнейших времен. Если же мы желаем иметь достоверные выводы о действительно первобытном состоянии человечества, то мы должны обратиться к существующим еще в настоящее время племенам аборигенов. Едва ли, конечно, может быть сомнение в том, что и у этих народов суеверные представления и магическое искусство подверглись известному развитию, так что и на них нельзя смотреть как на представителей самого первобытного состояния в этой области; но далее этого наше исследование уже не может проникнуть.

Само собой разумеется, что религиозные представления диких народов не все одинаковы: но, несмотря на различия, между ними так много общего, что мы имеем полное основание рассматривать их все вместе, так как мы имеем здесь в виду не останавливаться на отдельных частностях, а лишь выставить на вид главнейшие характерные черты. Ниже всех стоят, по-видимому, австралийские негры, так как они, сколько известно, не имеют представления о высшем существе; во всяком случае, у них нет и следа какого-либо культа; о существовании злых духов они имеют также лишь самые неопределенные представления. О душах умерших они думают, что после недолгого пребывания на земле они восходят на облака, где обыкновенно и остаются; впрочем, им ничто не препятствует возвратиться на землю, но в таком случае они меняют свой цвет и становятся белыми. Поэтому на европейцев они смотрят как на выходцев с того света. Однако это воззрение не мешает австралийцам делать своими женами случайно захваченных ими белых женщин. Из этого видно, что их представления о духах неясны и сбивчивы. Подобно другим дикарям, они имеют колдунов, или волшебников, призываемых на помощь при всяких необыкновенных обстоятельствах, как, например, в случае болезни, и действующих таким же способом и такими же средствами, как это делается и у других народов. Могущество этих чародеев основывается, как полагают, на близком их общении с духами; но что это за духи – суть ли это души умерших, еще не покинувшие землю, или, может быть, это злые духи, о которых тоже иногда говорится, – об этом нельзя получить никакого объяснения. Возможно, что и для самих посвященных в чародейство это неясно. Во всяком случае, наши сведения об этом так недостаточны, что мы можем оставить австралийских негров в стороне.

играет, однако, важной роли; во всяком случае, ему не молятся. Он не есть и творец мира; скорее он соответствует, по-видимому, фатуму, или судьбе. По крайней мере, это вытекает из того, что говорил миссионерам один интеллигентный вождь негров.

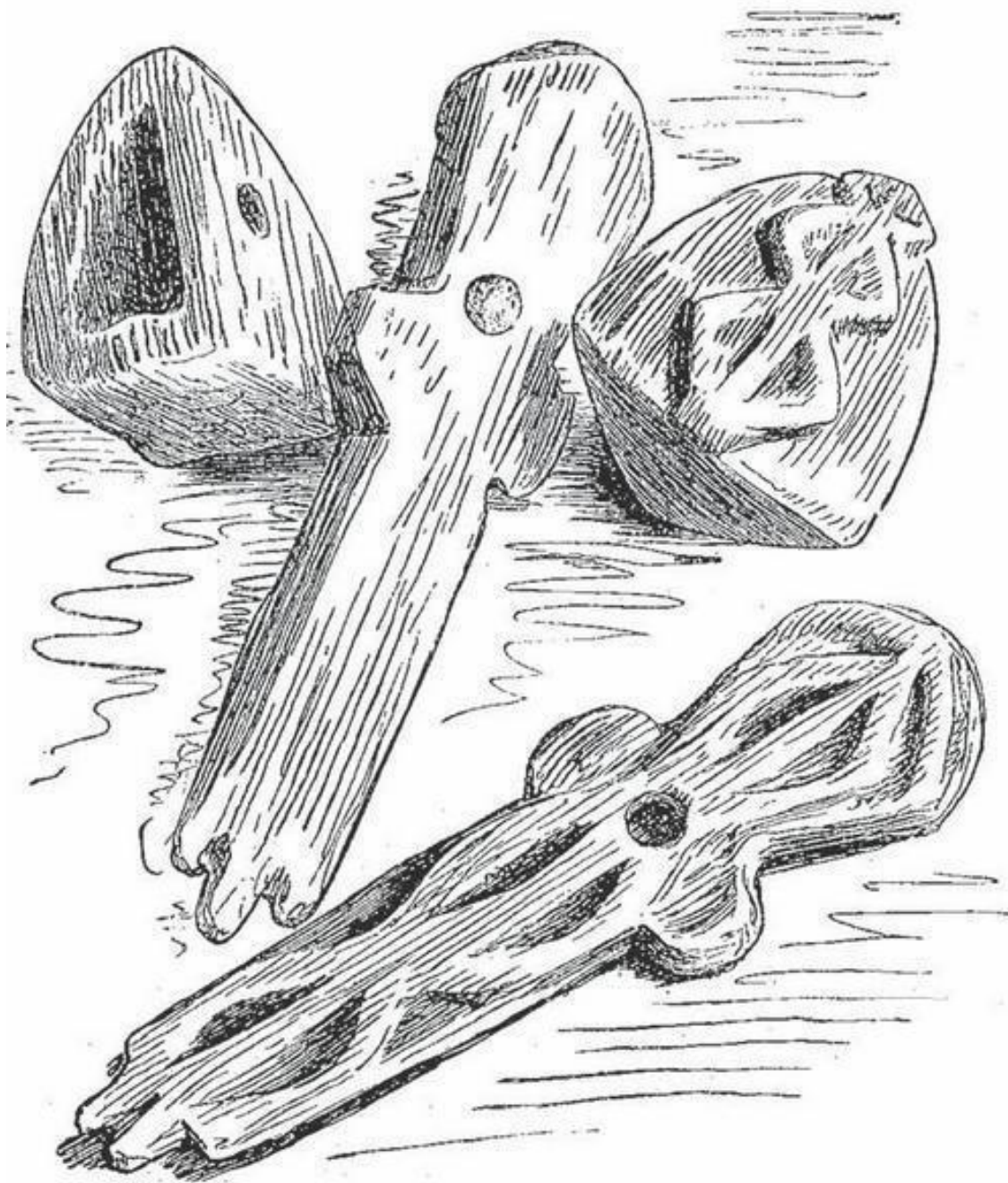
«Вы, значит, думаете, – сказал он, указывая на звезды, – что между ними и по ту сторону их живет всемогущий владыка, наш отец, создавший нас всех. Правда, что и наши предки говорили о небесных владыках, и мы называем большие светящиеся пятна, которые вы видите у себя над головой, дорогой богов; но нам кажется, что мир всегда существовал, кроме людей и животных, которые, по нашему мнению, когда-то вновь появились, сначала животные, а потом люди. Но мы не знаем, кто их принес в мир. Мы молимся духам наших предков, и мы просим их о дожде, обильной жатве, здоровье и о том, чтобы они приняли нас к себе после смерти».

По-видимому, такого же рода и представления индейцев о Маниту. Они не молятся ни ему, ни многочисленным другим богам. Только военные боги призываются вождем, когда племя отправляется в поход. Их очень короткие молитвы бывают обыкновенно обращены к умершим: «Духи, будьте ко мне милостивы и покажите мне, где я могу найти медведя». Один путешественник рассказывает, что он с несколькими индейцами плыл в лодке. Приехавши на озеро, индейцы взяли свои трубки и стали курить, молясь в то же время ветрам, чтобы они были тихи и дали бы им безопасно проехать по озеру.

Из этих сведений следует, что духи, то есть по преимуществу души умерших, но затем также и духи природы составляют центральный пункт в религии этих дикарей. Духи наполняют собой все; они приносят вред или пользу, поэтому их надо почитать. Посредством жертв и заклинаний духов человек может обеспечить себе удачу в своих предприятиях. С помощью духов он может нанести вред обидевшему его соседу. Таким образом, сущность их религии есть суеверие; культ их есть волшебство.

Способы, посредством которых делаются призывания и заклинания духов, различны у разных народов. Одни из них обращаются к какому-нибудь видимому предмету, в котором, по их мнению, дух имеет свое местопребывание (фетиш). Другие, напротив, не имеют никаких видимых символов для духов. Есть и такие, у которых и та и другая формы существуют, по-видимому, вместе. Негры Гвинейского берега суть типические представители фетишизма. Каким образом создается фетиш, видно из следующего изложения одного из вождей: «Когда кто-нибудь из нас решается предпринять что-нибудь важное, то прежде всего он ищет себе какого-нибудь бога в качестве помощника для своего предприятия. С этой целью он выходит и первое встреченное им живое существо берет себе в боги, будь то собака, или кошка, или даже одно из самых низших животных. Это может быть также и какая-нибудь безжизненная вещь, найденная им на дороге: камень или кусок дерева; этому новому богу он тотчас же приносит жертву, объясняет ему свое дело и торжественно клянется, что если оно удастся, то он и впоследствии будет считать его своим богом и служить ему. Если предприятие будет удачно, то, значит, он нашел нового, очень полезного бога, которому он ежедневно приносит жертву; в противном случае он бросает нового бога как негодного, и последний снова делается тем, чем он и раньше был».

Кубы и амулеты колдуна племени Бамангвато. Этнографический музей в Мюнхене. Из книги «Народоведение»

Более высокое положение занимают южноафриканские негры, так как они обращаются с молитвой к совершенно определенным духам, не придавая им никакой видимой формы. Как мы видели выше, ими призываются исключительно духи предков, души умерших людей; но последние не все занимают одинаковые степени. Сын обращается преимущественно к своему отцу как к лицу наиболее известному. Один зулус так описывал все эти воззрения: «Мы, чернокожие, не почитаем одинаково всех наших аматонго (предков), то есть всех умерших людей нашего племени, без различия. Обыкновенно только главе каждого дома молятся его дети, так как прочие предки им неизвестны и они не знают их имен. Таким образом, молитва их начинается и кончается их отцом, так как они лучше всего знают как его самого, так и его любовь к своим детям. Таким же он будет для нас и теперь, когда он уже умер. Поэтому хотя мы

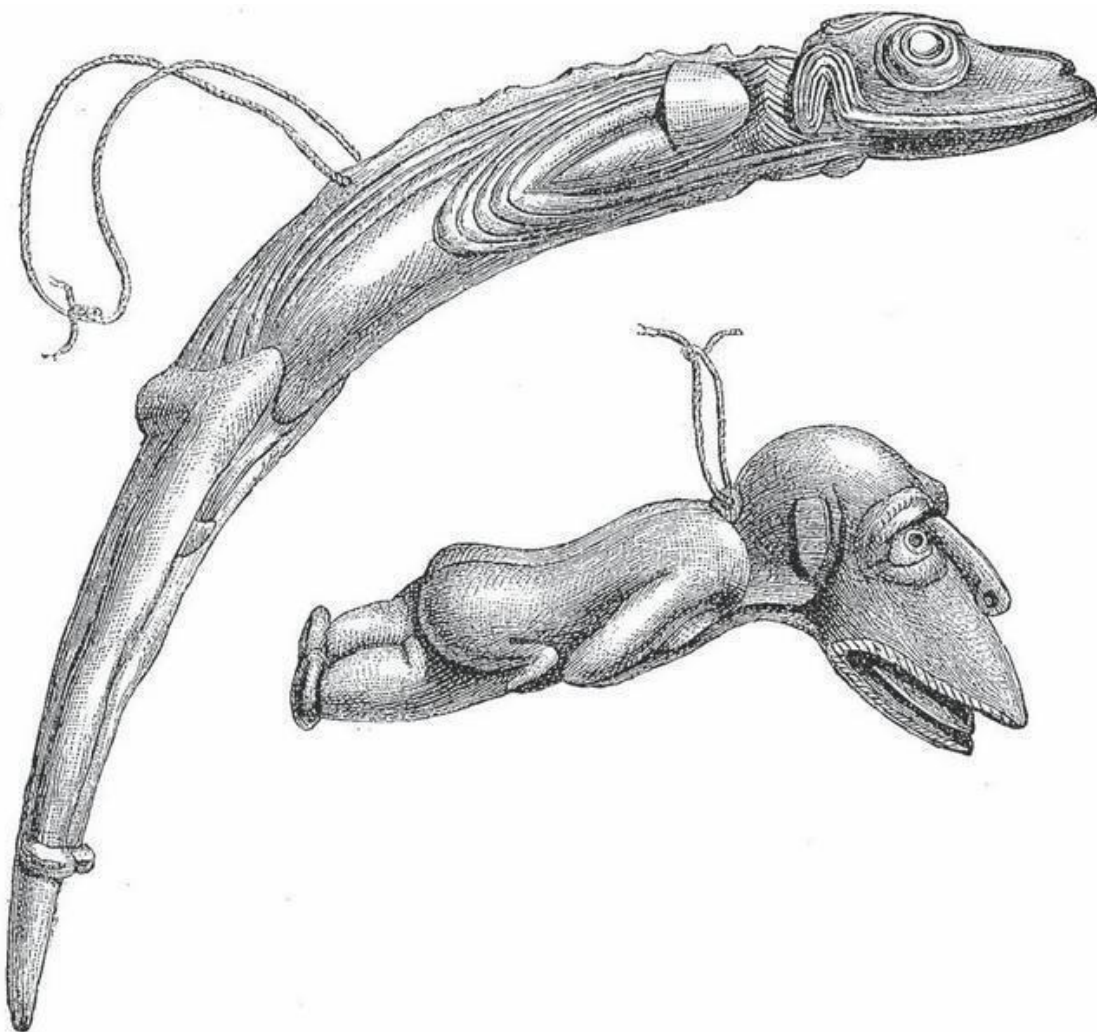
молимся и многим аматонго нашего племени, которые образуют непроницаемую ограду для нашей защиты, но при служении аматонго отец наш ставится нами гораздо выше всех других. Наш отец есть великое для нас сокровище даже и тогда, когда он умер. Когда в краале появляется болезнь, то старший сын восхваляет его, давая ему самые почетные прозвища, заслуженные им на войне и в битвах; но при этом он прославляет также и других аматонго».

Мы знаем также, как происходит у этих племен подобное призывание и славословие духов. Естественно, оно соединяется с принесением духам жертв. Когда внутренности жертвенного животного вынуты, то начальник восклицает: «Вы, духи моих предков, возьмите эту жертву себе на пищу. Пошлите мне здоровье по вашей милости». Хорошим знаком считается то, когда при убивании животного оно ревет. Тогда говорят: «Реву громче, бык наших предков». Часть крови и жира откладывается в сторону, на особое место, и сжигается, жир вместе с курениями, чтобы духи ощущали приятный запах; затем начинается жертвенное пиршество. Начальник вместе со слугой, несущим обеденную циновку, идет к наружному выходу загона, где помещается скот, и кричит: «Тихо, смирно! Я прошу вас, духи наших отцов, совершившие для них, перед нами, столь великие и славные дела, послать нам удачу и счастье. Я прошу вас, чтобы вы наполнили мой крааль скотом, мои житницы – хлебом, мои жилища – детьми, чтобы вы не исчезли из нашей памяти».

Таким образом, у южноафриканских племен, рядом с действительно прекрасным почитанием умерших, не существует, по-видимому, вовсе служения фетишам; у американских индейцев то и другое существуют вместе. Выше мы видели, как они призывают духов и ветры без всяких особых обрядов и не обращаясь ни к какому видимому предмету. Об этих же индейцах из племени дакота рассказывают, что они не молятся никакому определенному изображению, вследствие чего у них нет и никаких построек для богослужения. Но зато нередко бывает, что один из этих индейцев берет какой-нибудь камень, преимущественно круглый, и разрисовывает его, потом, отойдя несколько шагов от своего жилья, очищает от травы кружок в один или два фута в диаметре и ставит на это место камень, или своего бога, как он его называет, приносит ему в жертву табак и перья и просит у него защиты от опасности, которая ему, вероятно, пригрезилась или которую он себе почему-либо вообразил. Таким образом, служение фетишам существует одновременно с непосредственным обращением к духам.

Религиозная магия у диких народов

То, что мы изобразили выше, представляет собой способы, посредством которых простые люди служат духам или заклинаят их. Но они вообще употребляются лишь при обыкновенных случайностях ежедневной жизни. Когда же дело идет о более важных обстоятельствах, при которых отдельное лицо уже не может положиться на самого себя, например в случае болезни или когда ставится вопрос о благополучии целого племени, скажем при объявлении войны или при продолжительной засухе, грозящей уничтожить пастбища или место охоты, тогда требуется содействие особого посредника, пользующегося преимущественной благосклонностью духов, для совершения необходимых церемоний, которые должны обеспечить народу помощь высших сил. Такие посредники – жрецы, чародеи, или как бы мы их ни назвали, – существуют у всех диких народов. Они известны под различными именами: сибирские народы называют их шаманами; американские индейцы зовут своих знахарей: у племени дакота – мускихивинини, у винебага – мадэвинини. Так же и у африканских племен: у зулусов они называются изи-нианга, у бечуанов – нгака и т. д. Везде они являются делателями дождя, врачами и прорицателями; они доставляют счастливые предзнаменования и обеспечивают благополучный исход войны. Своим магическим искусством они помогают также отдельным людям отомстить своим врагам или доставляют им удачу на охоте, – словом, занимаются всем, что касается волшебства.

Идолы с рыбьей головой с острова Пасхи. Коллекция Кристи в Лондоне. Из книги «Народоведение»

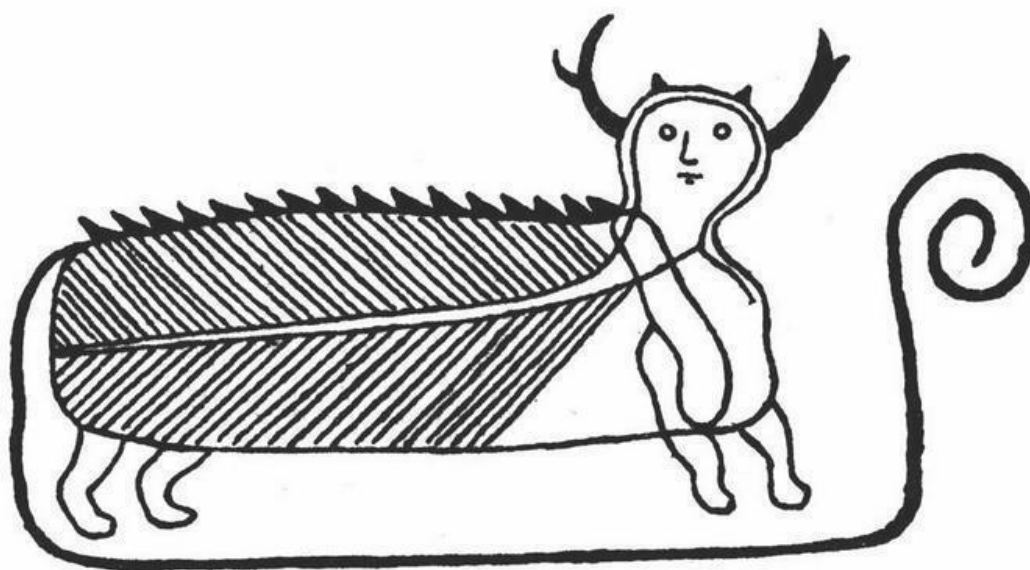
Мы бы зашли, конечно, слишком далеко, если бы стали перечислять церемонии и магические действия, совершаемые знахарями у разных народов; да мы недостаточно с ними и знакомы. Поэтому я предпочитаю собрать отдельные характерные черты, взятые от таких народов, у которых случайно тот или другой обряд был всего лучше наблюдаем. Конечно, такое изображение не будет вполне подходить к одному какому-нибудь народу: как обряды, так и понятия в различных местах, естественно, оказываются различны: но в этом нет особого неудобства, так как нам нужен только общий обзор.

Церемония посвящения новых знахарей, называемая у винебага в Северной Америке знахарским праздником, есть очень старинная традиция и, как почти все их праздники, состоит большей частью из плясок. Участвующие в ней образуют особое общество, имеющее свои тайны, которые никогда не сообщаются тем, кто к нему не принадлежит.

Поэтому нам известна больше только внешняя сторона дела; о том же, чему обучаются новые знахари и в какие тайны они посвящаются, мы не знаем. С большей вероятностью, однако, можно предположить, что они учатся знанию тех действий и тех заклинательных формул, которые употребляются в каждом конкретном случае. Из этих формул многие нам известны, поэтому мы имеем основание думать, что потеряем немного, не заботясь об остальных.

Сам праздник происходит не в одно определенное время, а лишь тогда, когда есть два или более лиц, желающих быть принятыми в общину. Тогда делаются необходимые приготовления и посылаются приглашения старейшим членам общины, присутствие которых признаётся желательным. Не все члены принимают участие в посвящении. Празднование происходит в нарочно построенном для этого помещении, величина которого зависит от числа приглашенных. Вдоль обеих длинных сторон шалаша садятся участники; середина же остается свободной для пляшущих. Новые кандидаты должны перед посвящением три дня поститься; в это время старый знахарь, распорядитель праздника, отводит их в потайное место и посвящает их во все таинства общины. Говорят также, что в течение поста они подвергаются операции потения, причем они покрываются одеялами и окуриваются дымом некоторых кореньев. Когда все это исполнено, тогда начинаются церемонии, в которых участвуют все присутствующие. Они состоят из плясок и речей старых знахарей, а также из множества необыкновенных действий. Так, между прочим, по данному знаку все старшие начинают делать движения, как будто они давятся, после чего наконец выплевывают маленькую раковинку. Они утверждают, что эта раковинка, которая называется врачебным камнем, постоянно находится у них в желудке и только при этом торжественном случае появляется на свет. Излишне говорить, что вообще это невозможно. Под конец каждый вновь поступающий получает знахарский мешок, то есть сшитую шкуру, наполненную разными диковинами, а в рот ему кладут врачебный камень; после этого он считается принятым в братство.

В знахарском мешке сохраняются, конечно, все предметы, которые употребляются при магических операциях; в это число входят различные корни, из которых иные, может быть, и действительно могут быть применены в качестве лечебного средства, особенно для заживления ран, затем различные части животных и некоторые минералы. Наиболее действенными медицинскими средствами одного старого вождя из племени винебага были, по его собственному заявлению, маленький камешек, который, как оказалось, состоял из куса самородной меди, и кусочек кости, принадлежавшей, как он утверждал, большому врачебному животному. Это животное показывается иногда только знахарям, и то во сне, на земле же не появляется. Здесь прилагается и изображение этого большого врачебного животного, нарисованное рукой этого самого вождя.

Большое врачебное животное

Из этого видно, как свободная фантазия совершенно преобладает над теми немногими практическими наблюдениями, которые, может быть, и в самом деле были у этих людей. Их сильнейшие врачебные средства – не корни или ядовитые вещества, действие которых могло быть ими случайно открыто, но такие вещи, которые вовсе им неизвестны и которые именно в силу этого и возбуждают всего живее их воображение, так что они приписывают этим предметам множество мистических сил. Эта характерная черта проявляется у всех диких народов.

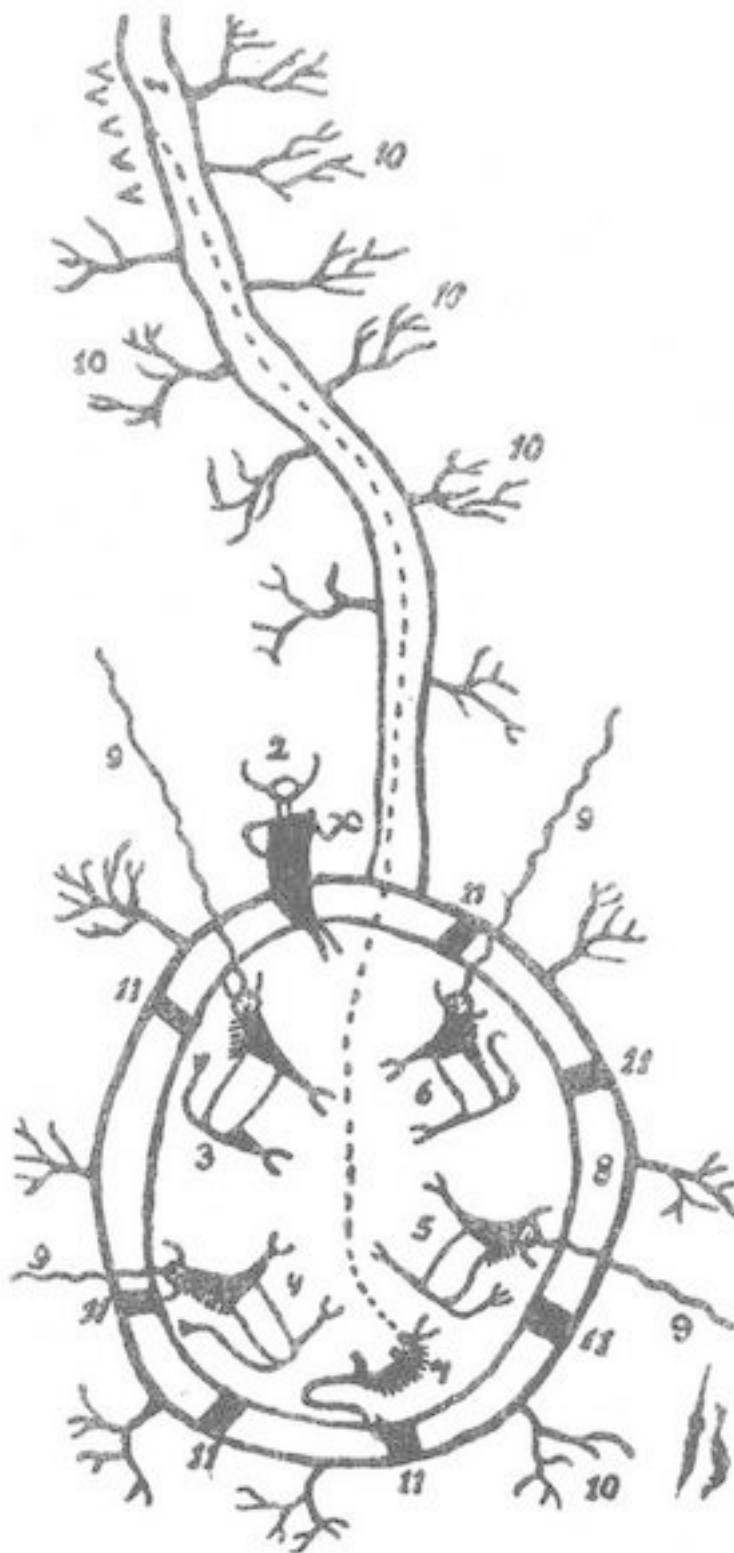
В одной южноафриканской легенде рассказывается, что в то время, когда голландцы пришли в ту страну (Наталь), в одном пруду жила большая змея с огненной головой. Случилось так, что пришли некоторые люди из амангван. Они подкараулили змею и, когда она выползла из воды, отрубили ей голову; но туловище ушло опять в воду, и пруд тотчас высох. Чернокожие испугались, пошли к голландцам и стали спрашивать, что им делать. Белые люди выслушали рассказ и между прочим спросили: «Что же вы сделали с головой и с той частью змеи, которая осталась при голове?» Черные отвечали: «Нам нужно было лекарство, чтобы им лечиться». Голландцы сказали: «Что же вы хотите делать с лекарством, взятым от неизвестного вам животного?» Черные отвечали: «Мы потому именно и убили это животное, что мы его раньше никогда не видели; мы хотели его смешать с другими нашими лекарствами». История эта говорит сама за себя и не требует дальнейших пояснений.

Но если содержание врачебного мешка удивительно, то и применение этого содержания не менее необыкновенно.

У многих народов существуют также интересные мнения насчет того, откуда происходят все эти знания. Так, индейцы племени дакота думают, что они были им переданы водяным богом Унк-та-ге. Он и его спутники являются знахарям во сне. Он есть глава всех духов и передает знахарям их сверхъестественные силы.

Прилагаемый здесь рисунок изображает жилище этого бога и его спутников. Он объясняется следующим образом: внутренний круг означает воду. № 7 есть главный бог. № 3, 4, 5, 6 – его спутники. № 2 – индеец. № 8 есть мир, занимающий все пространство между двумя кругами. № 1 – река с индейской деревней на берегу. № 11 – ворота, соединяющие богов с миром. № 9 представляет молнию, употребляемую спутниками бога для их защиты. № 10 – деревья, растущие в лесах по берегам. Индеец, сделавший этот рисунок, рассказывает, что Унк-та-ге вышел из озера и еще до его рождения взял его из деревни на берегу реки и унес с собой в глубину. Когда он во время этого путешествия проходил мимо прочих богов, то каждый из них давал ему хорошие советы, а последний, № 3, дал ему барабан и сказал, что все будет делаться по его желанию, когда он будет бить в барабан и произносить волшебные слова, которым он научился в глубине от богов. После этого наставления Унк-та-ге отнес его снова на сушу, где он и был рожден женщиной в виде индейца.

Жилище Унк-та-ге

Таково представление знахарей об источнике их сверхъестественной силы. Им стоит только выразить свои пожелания и при этом ударить в барабан и выполнить предписанные богами обряды, чтобы подействовать на богов в желаемом направлении. Поэтому они могут помочь и в таких обстоятельствах, когда обыкновенный человек не видит никакого исхода.

Теперь мы подробнее рассмотрим магические операции, применяемые ими в различных случаях. Недостаток дождя есть, конечно, одно из худших бедствий, которое может посетить дикарей, будут ли они, подобно южноафриканским племенам, заниматься скотоводством или же это будут охотники, как индейцы. Когда скот не находит себе достаточно корма или дичь вследствие засухи уходит в другие местности, тогда знахари должны вызвать дождь. Для этой цели они, удалившись в уединение, произносят различные заклинания, содержание которых никому, кроме них, не известно, но в то же время они устраивают целый ряд общественных празднеств в честь богов. Это последнее обыкновение имеет, по-видимому, вполне разумное и практическое значение, так как если им удастся занять народ этими праздниками достаточно долго, то дождь может наконец и сам собой пойти. Если же терпение народа истощается раньше, то естественно, что со знахарем поступают не лучше, чем с тем фетишем, который не оправдал возложенных на него надежд. Его жизнь подвергается опасности, если он заблаговременно не позаботится о сохранении своей драгоценной особы. Последнее, впрочем, обыкновенно удается ему, так как народ полагает, что он может сделаться невидимым или неведимым, или же принять вид какого-нибудь животного. Все это достигается с помощью одного травянистого растения, которое дакота называют пецхикавуск. Колдуны носят его всегда при себе, и когда воины отправляются на войну, то оружие их окропляется настоем этого растения. Тогда они делаются невидимыми для врагов и не могут быть ранены даже ружейной пулей. Надо полагать, что это верование было потрясено до основания после битв с войсками Соединенных Штатов.

Знахари пользуются большим почетом также и в качестве врачей, но в действительности лишь в очень редких случаях выказывают знание врачебных средств и умение целесообразно ими пользоваться. Если же они в самом деле обладают таким знанием, то, во всяком случае, скрывают это от народа, который верит исключительно в магическую силу знахаря. Впрочем, в последнее время эта вера в Северной Америке, по-видимому, значительно ослабела; там, где индейцы находятся в постоянных сношениях с белыми, они скоро научились тому, что «врачевание бледнолицых» сильнее и действеннее, чем их. Они предпочитают теперь опиум и хинин кусочку кости великого врачебного животного. И это неудивительно, так как самое существенное, что делает знахарь, являясь в качестве врача, состоит в том, что он пляшет и поет заклинания.

Правда, он предписывает также холодное или горячее купание, если пациент страдает от жара или озноба, а также дает лекарственные средства и внутрь; но главное дело при лечении составляет все-таки магическая пляска. У многих индейских племен эта пляска считается столь целительной и столь важной, что она изображена при помощи их оригинального фигурного письма для того, чтобы ничего из нее не было позабыто.

Пляска знахарей – это настоящее представление, исполняемое ими у постели больного в присутствии зрителей, полных благоговения. Ударяя в свой маленький барабан или звеня погремушкой, знахарь двигается в кругу, показывая, что он таинственным образом беседует с духами, вынимает у пациента болезнь из желудка или из шеи, выгоняет злых духов из различных частей тела и т. п. Продолжая таким образом, он постепенно приводит в состояние экстаза не только себя самого, но и пациента и зрителей, которые глядят на него со страхом и трепетом, и когда он машет своей погремушкой или ударяет в свой бубен, то им кажется, что земля и небо слушают его голос и вся вселенная склоняется перед ним. Нет ничего невероятного в том, что пациент после этого выздоравливает, так как мы знаем, что и у нас исцеление часто бывает следствием веры во врача, а не лекарства.

Руководящей нитью во всех действиях знахаря является, очевидно, как мы уже говорили, та мысль, что само желание при помощи богов приводит к исполнению этого желания. Знахарь своими действиями только разъясняет духам, чего он от них ожидает, а затем полагается на их заботу об исполнении желаемого. Магическая пляска у постели больного указывает на убеж-

дение, которое составляет верование всех диких народов, что то, что делается с изображением какого-нибудь живого существа, происходит действительно и с самим изображенным человеком или животным. Этим способом дикарь мстит своим личным врагам; подарками и просьбами он убеждает какого-нибудь могущественного колдуна сделать изображение его врага и затем сжечь его, проколоть ему сердце или каким-либо другим образом уничтожить его. И вера в это магическое искусство так велика, что когда тот человек, который при этом имелся в виду, узнает об этих действиях, то часто от страха действительно умирает.

Таким же образом поступают многие индейские племена, когда они хотят обеспечить себе удачу, например на медвежьей охоте. Знахарь рисует на березовой коре самое грубое изображение медведя и проводит черту от сердца этой фигуры к морде, обозначая таким образом тот путь, которым жизнь должна выйти из зверя. При этом он поет следующее заклинание: «Слушай, как я могущественен! Я проворен и мстителен, как орел. Я слышу все, что делается на свете. Медведь должен повиноваться снадобьям моего вигвама. Поэтому бойся человека; улитка попадет в твои внутренности. Какой медведь может избежать моей стрелы? Река? Хе, хе! Разве медведь может избежать моей чародейской силы? Мои снадобья сильны». История умалчивает о том, какое действие производит на американских медведей это страшное заклинание.

Колдуны предсказывают также будущие события, объясняют приметы и т. п. Впрочем, для этого не всегда требуется содействие знахаря. Искусство гадания настолько распространено между дикарями, что по крайней мере в наиболее обыкновенных случаях всякий сам старается помочь себе. Так, очень распространена беломантия, гадание по полету стрел. Когда какой-нибудь индейский герой отправляется на подвиги, то он предварительно пускает стрелу наудачу в воздух; направление упавшей стрелы указывает тот путь, который он должен избрать. Это очень похоже на существующий у нас обычай «счета пуговиц». В особо торжественных случаях или когда требуется определенное указание на будущее, обращаются к знахарю. Последний, разумеется, действует различно, смотря по времени и обстоятельствам; так как мы не можем здесь описать всех гадательных действий, то ограничимся тем, что приведем некоторые наиболее интересные из них, употребляемые сибирскими шаманами. Интерес их заключается в том, что мы видим из них, как иногда знахари диких народов умеют пользоваться такими средствами, которые не только на их несведущих соплеменников, но и на цивилизованного человека могут производить впечатление чего-то мистического, сверхъестественного. Известия разных путешественников об обрядах, производимых шаманами, во всем существенном сходны между собой; поэтому я приведу лишь один из этих рассказов.

Посредине юрты (жилище тунгусов) горел яркий огонь, кругом которого были разостланы в виде круга черные овчины. По ним размеренными, ритмическими шагами медленно ходил вокруг огня шаман, вполголоса произносивший свои заклинательные формулы. Его длинные черные растрепанные волосы почти совсем закрывали его опухлое темно-красное лицо. Сквозь эту занавесь из-под щетинистых бровей сверкала пара горящих, налитых кровью глаз. Его одежда вроде ризы, сшитая из звериных шкур, была увешана сверху донизу ремнями, амулетами, цепочками, раковинами и кусочками железа и меди. В правой руке он держал волшебный барабан в виде бубна, тоже покрытый погремушками, а в левой – лук. Вид у него был страшно дикий и свирепый. Присутствующие сидели молча, в напряженном внимании. Постепенно огонь посредине юрты погас, остались только тлеющие угли, распространявшие в юрте таинственный полусвет. Шаман бросился на землю и в течение пяти минут лежал неподвижно, потом жалобно застонал, испуская глухие, подавленные крики, как будто производимые разными голосами.

Через несколько времени огонь снова был зажжен и высоко запылал. Шаман вскочил, поставил на землю свой лук и, придерживая его рукой, а лбом упершись в верхний его конец, начал бегать вокруг него, сначала тихо, а потом все быстрее и быстрее. Потом, когда это вер-

чение продолжалось настолько долго, что от одного смотрения на него начинала кружиться голова, он вдруг остановился, не выказывая ни малейшего признака головокружения, и начал руками выделывать в воздухе разные фигуры. Затем, как бы проникшись вдохновением, он схватил свой барабан и стал бить в него, исполняя, как мне казалось, некоторую мелодию, после чего он стал прыгать кругом то быстрее, то тише, причем все его тело с невероятной быстротой подергивалось самым странным образом в разные стороны.

Шаман в Сибири. Рисунок Н. Витсена. Из книги «Северная и Восточная Тартария». 1692 г.

В продолжение всей этой операции шаман с жадностью выкурил несколько трубок крепчайшего турецкого табака, а между ними выпивал по глотку водки. От этого и от верчения у него, по-видимому, наконец закружилась голова; он вдруг упал на землю и лежал неподвижно, без признаков жизни. Двое из присутствующих подняли его и поставили на ноги. Вид его был ужасен: глаза у него были широко раскрыты и выпучены; лицо его становилось все краснее. Он был, по-видимому, совершенно без сознания и в течение нескольких минут не делал никакого движения, кроме легкого дрожания всего тела, и не подавал никакого признака жизни. Наконец он как бы проснулся от своего оцепенения: опираясь правой рукой на свой лук, левой он взял свой волшебный бубен и стал им быстро махать и звонить у себя над головой и потом бросил его на землю; это, как объяснили мне присутствующие, обозначало, что он теперь вполне проникнут духом и что к нему можно обращаться с вопросами. Ответы на вопросы давались им без долгого размышления, но таким образом, как будто он и сам не знает, что такое происходит. Большей частью ответы эти были выражены в неясном стиле изречений оракула, так что спрашивающий мог истолковать их как хотел.

Самое интересное в этом рассказе, без сомнения, то, что мы видим здесь применение опьяняющих и гипнотизирующих средств с целью вызвать у шамана такое состояние, при котором он бессознательно может давать ответы на такие вопросы, на которые он в нормальном состоянии, по своему рассуждению, не мог бы отвечать.

Волшебство у дикарей

Если всякое добро, всякая помощь и содействие происходят от духов, то легко дойти до признания того, что и всякое зло, вред и несчастье имеют свою причину в такого же рода существах. Поэтому дикари признают существование не только добрых духов, но и злых демонов. И подобно тому, как они полагают, что привилегированные знахари получают свою силу от добрых духов, так же они думают, что многие люди находятся в сношении со злыми духами и с их помощью стараются вредить другим людям.

Таким образом, мы уже на этой низшей ступени развития встречаем разделение между законной, доброй, или белой, магией и волшебством, злой, или черной, магией¹.

Первой мыслью дикаря в случае, если с ним или с кем-нибудь из его близких случится несчастье, является обыкновенно то, что несчастье это произведено волшебством. Задачей знахаря в таком случае является очень часто не только устранение вреда, но и указание того человека, который его произвел посредством черной магии. Через это знахарь приобретает громадную силу; так как волшебство почти всегда наказывается смертью, то он легко может освободиться от личного врага, указавши на него как на волшебника. Поэтому черная магия держится в тайне, если только вообще она когда-нибудь практикуется. Во всяком случае, у дикарей мы о ней ничего не знаем; однако же, по существу дела, она должна представлять довольно точную копию с официального чародейства.

---

¹ О происхождении выражения «черная магия» Вильгельм Готлиб Сольдан (*Geschichte der Hexenprocesse*. V. 1. P. 198) говорит, что оно произошло в Средние века через превращение греческого слова «некромантия», под которым греки подразумевали спрашивание мертвых. Впоследствии в христианской церкви это слово стало употребляться для обозначения всякого недозволенного волшебства. Тогда его переделали в нигромантию (от *niger*, «черный»), а потом в противоположность последней создали понятие «белой магии». – Прим. д-ра Петерсона.

Часть I. Мудрость халдеев и развитие ее в Европе

Халдеи

Религия халдеев

Наши сведения о религиозных и суеверных представлениях халдейских народов почерпнуты главным образом из многочисленных сочинений, найденных в одном библиотечном зале древней Ниневии и лишь в последнее время прочитанных европейскими исследователями. Материалом, на котором написаны эти произведения, служила глина; письменные знаки выдавливались, когда глина была сыра; затем глиняные плиты обжигались или высушивались. Благодаря лишь большой прочности этого материала оказалось еще возможным прочесть древние сочинения, хотя они и пролежали несколько тысячелетий в земле, погребенные под развалинами царственного города. Для нашей специальной задачи чрезвычайно важное значение имеет одно весьма объемистое магическое произведение, которое первоначально занимало не меньше 200 плит. Экземпляр его, существующий и поныне и сохраняющийся в лондонском Британском музее, есть список с гораздо более древнего оригинала; он был восстановлен по повелению царя Ашшурбанапала в VII веке до н. э. Текст написан на двух языках: ассирийском, который был разговорным во время Ашшурбанапала, и аккадском, языке древних халдеев, на котором, вероятно, был написан оригинал; последний ко времени Ашшурбанапала был уже мертвым языком. По этому произведению, а также по отрывкам из разных других удалось восстановить по меньшей мере основные черты халдейской религии и демонологии. Мы начнем с краткого обзора религии, потому что он необходим для ясного понимания всего последующего.

Как и следовало ожидать от религии столь могущественного, культурного народа, каким были вавилоняне, халдейская вера в богов стояла гораздо выше религий, только что рассмотренных нами. Здесь существуют настоящие боги, разумные, исполненные всемогущества и повелевающие на небе, в водах и на земле. Бог неба назывался Ану, повелитель земли – Бел, то есть господин, дух воды – Эа; эти трое назывались обыкновенно в халдейской теологии великой троицей. Каждый из них имел целую свиту божеств, свою семью, своих слуг и т. д. Каждый из них был местным богом одного из более крупных вавилонских городов или местностей. Но с течением времени городской бог важнейшего города Вавилона Мардук сделался опасным для них конкурентом; ему все более и более приписывали свойства и власть других богов, он назывался «сыном Эа» (следовательно, его связывали с Эа), а с Белом отождествлялся до такой степени, что Бел вавилонский, которому был сооружен величественный храм, на самом деле был Мардук, которого чтили теперь как высочайшего повелителя, как Бела (господина). Бога города Борсиппы, соседнего с Вавилоном, Набу считали сыном Мардука, и он вместе с Мардуком-Белом и с ассирийским народным богом Ашшуром были главными богами в ассирийский период.

Мардук. Из книги Ф. Г. Вайсбаха, посвященной вавилонской цивилизации (Babylonischen Miscellen). 1903 г.

Из всех богов нас более всего интересует Эа, бог волшебства, в качестве такового сохранивший до конца свое значение. Вероятно, в качестве бога вод он стал также и божественным волшебником, потому что вода была главным элементом при врачебном волшебстве и при всякого рода заклинаниях; привозились, например, чудодейственные воды из Эриду, города

Эа, расположенного при устье великих рек. В этой южной области Вавилона Эа был главным богом, вокруг которого толпилась вся свита прочих богов и который двигал и управлял вселенной. Бог-волшебник становится богом мудрости, который сам знает все искусства и ремесла и учит им; он также божественный художник, который вылепил из глины человека и дал ему жизнь; да и весь мир, все, что в нем есть, создано им, от него возникло, а так как мир представлялся возникшим из воды (arsu, из мифического океана) и Эа очень часто отождествлялся с arsu, то до известной степени можно сказать, что все бытие возникло из самого Эа.

В обыденной религиозной практике вавилонян Эа представляется одним из богов, без которого положительно немислимо обойтись, так как при заклинаниях преимущественно употреблялось его имя. При всех высоких представлениях о богах и мире все-таки заклинания были на практике главным делом этой религии: путем заклинания исцеляются души и тела, даруются плодородие, победа и благополучие; заклинания рассеивают все воинство ужасных демонов, которые подстерегают людей и препятствуют их успехам и счастью. Мы должны прежде всего обратить свое внимание на этот мир демонов, чтобы понять заклинания.

Демонология и искусство заклинания

Природа со стороны ее грозных явлений – ярость стихий, бури, наводнения, грозы, затмения Солнца и Луны – все это представлялось халдеям ужасной игрой злых демонов и часто описывалось в мрачных красках. Как, например, в заклинательной легенде о несчастье бога луны (Сина) и его избавлении (о лунном затмении).

«Нечистая сила, вихрем крутящая, злые духи, беспощадные демоны, рожденные у небесного края (то есть на горизонте), злодеи и изверги, со злом каждый день выступавшие, – вперед все несутся они, чтобы бедствия всюду творить. Из этих семи первый есть буря, второй же дракон, и пасти его ядовитой никто не избегнет, третий пантера и т. д., все семеро – вестники Ану-царя, они город один за другим в темноту погружают; ураганы, в небе которые злобно бушуют, ураганы, что на небо тьму нагоняют, вихри, которые ясные дни в мрачные превращают; они несут дождевые потоки Раммана (бог грома) вместе со злыми ураганами и ветрами, а на окраинах неба молнией яркой сверкают они. Чтобы убивать, несутся они по широкому небу; они стоят враждебно к жилищу Ану и равных себе не имеют».

Подобно этому описывались и другие грозные явления природы. На наводнение, например, смотрели как на дело рук демона, так как оно всегда приносило с собой гибельные бедствия для приморских и приречных стран. Борьба с большими наводнениями, побеждаемыми в конце концов Мардуком, является выдающимся мотивом вавилонской мифологии, в которой космогонические мифы играют важную роль.

Однако демоны касаются не только одной природы, но и жизни людей и животных. Вот, например, заклинание Ити, представляемых в виде бешено бушующих духов: «Они есть исчадие ада; тому, что высоко, падением угрожают, внизу же великие смуты творят; они яд в желчи богов; они похищают себя у неба, великие дни, они падают с неба, как дождь; они чада, землю возвращенные; вокруг башен высоких, зданий просторных, теснясь, кружатся они; они проникают из одного дома в другой, и удержать их дверями нельзя, нельзя запереть и замками; они проползают сквозь двери, как змеи; мешают жене от мужа зачать; из рук человека воруют детей, из отчих домов изгоняют владельцев. Они тот голос зловещий, который людей, проклиная, преследует всюду».

Далее, они мучают не только людей, но и животных, которые не могут себе найти покоя от них: «Они нападают на страны одну за другой; они мешают рабыне стать матерью; они изгоняют владельцев из отчего дома. Даже голубок они принуждают покинуть их гнезда, всех птиц заставляют на крыльях своих подыматься, а ласточек даже из гнезд выгоняют скитаться в про-

странстве; они преследуют быка; гоняют ягненка; они есть великие дни (umu)², злые гонители-демоны».

Демоны, разумеется, стоят также в тесной связи со всевозможными болезнями, которые понимаются то как проявление злобы враждебных демонов, то как духи, овладевшие человеком. Это относится главным образом к двум ужасным болезням Халдеи: к чуме и лихорадке; здесь демоны выступают всегда в виде двух существ, отличающихся от всех остальных демонов и известных по именам Намтар и Идпа. Остальные демоны соединяются в различные группы, и каждая из таких групп нападает только на свою особую часть тела; это видно, между прочим, из следующего:

«На голову человека устремляет свою силу проклятый Идпа, на жизнь человека – свирепый Намтар, на горло – презренный Утук, на грудь человека – губительный Аалал, во внутренности проникает злой Гигим, на руки – ужасный Телал».

Кроме всех названных здесь демонов в магических сочинениях приводится еще множество других; таковы, например, гномы, или кобольды, обитающие вблизи человеческого жилья, между тем как другие демоны обыкновенно живут в безлюдных местах, в пустынях или на вершинах гор. Халдеи зашли так далеко, что представляли в лицах общеизвестные образы, являющиеся во сне, и принимали их за особых демонов. Так, упоминаются демоны мужского и женского пола, называемые «ночными насильниками», «объятий которых не могут избежать во сне ни мужчина, ни женщина».

Религия и демонология халдеев, как мы уже заметили, есть последовательно развитое учение о духах. Духи существуют везде и являются причиной всех явлений природы. Они оживляют все в мире и повелевают всем; они творят добро и зло; они управляют путями планет; вызывают регулярную смену времен года, дождь и грозу, а также и все полезные и вредные явления атмосферы. Они дают земле плодородие, растениям – рост, но они же приносят смерть и болезни.

Эти духи находятся везде: на небесах, на земле и в воздухе. Они обитают во всех элементах: в огне, земле, воздухе и воде; все происходит только от них. Каждое небесное тело, каждое существо и каждая вещь в природе имеют своего собственного духа, которому халдеи давали известный видимый облик. Некоторые из этих духов добрые существа, другие – злые; отсюда между ними происходит непрерывная и повсеместная борьба за существование; причем победы сменяются поражениями, и это становится причиной, почему за спокойным состоянием природы следуют беспокойные периоды и бедствия для людей, почему правильное течение всех явлений природы нарушается неожиданными катастрофами. Везде происходит борьба богов с демонами, борьба добра со злом.

При таком представлении бытия магия становится необходимостью. Коль скоро человек воображает себя окруженным злыми духами, которые преследуют и терзают его и силы которых далеко превосходят его собственные, то он не может ничего достигнуть, полагаясь на свои собственные силы; только при помощи богов, взывая к ним, он грозит демонам и заклинает их именем богов; только таким путем человек может защищать свою жизнь и имущество, обеспечить себе счастливый исход своих предприятий, вообще устроить себе сколько-нибудь сносное существование. Но так как число добрых и злых духов невероятно велико – а неправильно прочитанное заклинание, по всей вероятности, делает злых еще злее, – поэтому не всякий желающий мог производить магические операции. Они должны были исполняться человеком, посвятившим всю свою жизнь изучению мира духов и, таким образом, близко знакомым с тем, что надо делать в каждом отдельном случае. Таким образом, искусство заклинания переходит к жрецам. Но вся система заклинаний оказывается такой сложной, что и один

---

² Umu, собственно «дни», – неясные обозначения демонических сил природы. – *Здесь и далее, если не указано иное, прим. автора.*

жрец не может оказывать помощь во всех возможных случаях; нужно разделение труда. И действительно, нам известно, что халдейские жрецы, совершавшие заклинания, разделялись на три класса: собственно заклинатели, врачи и жрецы-чародеи. Кроме этих существовали еще два других класса: астрологи и предсказатели; те и другие занимались по-своему предсказанием грядущих событий. С их деятельностью мы познакомимся ближе в другом месте, здесь же займемся исключительно заклинателями.

Заклинатели старались вообще уничтожить влияние злых духов. Большое магическое сочинение, из которого мы черпаем большую часть данных, касающихся всех этих отношений, изобилует формулами, которые применялись для этой цели. Прежде всего оно дает понятие о злых духах, рисуя выразительную картину их гнусности; затем следует воззвание к высшим богам за помощью против демонов. Приведенное здесь описание злых духов есть лишь введение к заклинаниям. Я цитирую здесь только те заклинания, которые лучше всего проясняют вышесказанное:

«Злого бога, злого демона, демона пустыни, демона горных вершин, демона моря, демона болота, злого гения, могучего Уруку злого ветра, злого демона, который на тело болезнь напускает, поражает все тело, – заклани его, дух неба! Заклани его, дух земли!»

Следующее заклинание – против великих маскимов, в нем описывается их ужасный характер:

«Семь, их семь! Семь их в глубочайших пучинах моря. Семь смутителей небес; восстают они из глубочайших недр океана, из сокровенных тайников. Не мужчины они и не женщины они; распространяются, как семя. Нет у них женщин, не рождаются дети; честь и благость им неизвестны; молитв и просьб они не слушают. Нечисть, рожденная в горах, враги бога Эа, они есть орудие гнева богов. Чтобы испортить дорогу, падают они наземь. Враги! Враги! Семь их, семь их, дважды семь их! Да закланет их бог неба! Да закланет бог земли!»

Само собой понятно, что врачи прежде всего должны быть заклинателями, ибо болезни были теми же злыми духами, которых можно было изгонять лишь с помощью богов. Врачебные заклинания описывают природу и течение болезни, но они также интересны своей выразительной формой, особенно там, где с речью выступают боги и предсказывают, что должно случиться с пациентом. Решение богов произносили, вероятно, после того, как было прочитано заклинание. Мы приведем несколько таких примеров.

«Болезнь лба вышла из ада, вышла она из жилища повелителя ада».

Далее рассказывается, как развивалась болезнь и как больной безуспешно прибегал к очищениям и другим священнодействиям. Затем явились боги: «Мардук оказал ему помощь; он вступил в обитель Эа, отца своего, и обратился к нему со словами: “Отец мой, болезнь головы вышла из ада”. Вторично он обратился к нему со словами: “Что должен он сделать, не знает того человек; как победит он ее?” Эа возразил своему сыну Мардуку: “Сын мой, почему все это тебе неизвестно? Почему я должен тебя научить? Что знаю я, знаешь и ты превосходно. Иди же, сын мой, Мардук. Возьми бадью, почерпни воды из зеркального лона реки; сообщи воде волшебную силу свою; волшебством своим сообщи ей блеск чистоты и вспрысни водой человека, сына великого бога; закутай одеждой его голову, чтоб с ним не случилось безумия! Чтобы болезнь головы так же легко исчезла, как мимолетная мысль! Чтобы предписание Эа его излечило! Чтобы Давкина его излечила! Чтобы Мардук, первенец моря, образ цветущий создал бы!”»

Из другого заклинания, где речь идет также о болезни головы, видно, что эти действия может совершать также и женщина. Эа дает здесь такое предписание: «Возьми шкуру от самки верблюда, не знавшей ни разу самца. Волшебница станет пусть справа больного, снаряды свои пусть налево положит, а шкуру разделит на дважды семь кусков и им передаст то волшебство,

что прямо из Эриду³ исходит. Оберни голову больного одеждой, закутай и шею больного, закутай седалище его жизни, закутай и руки, и ноги его. Больного на одр вели посадить и вспрысни волшебной водою. Чтоб исчезла в небесном пространстве болезнь головы подобно бушующей буре, чтобы исчезла она с земли подобно тому, как вода исчезает, поднявшись на время над берегами! Чтоб заклинание Эа его исцелило! Чтобы Давкина его излечила! Чтобы Мардук, этот первенец моря, ему возвратил бы силу здоровья!»

Смысл этих операций, которые проделывались над больным, является для нас довольно загадочным. Халдеи же понимали вещи так: будто бы божество борется со злыми духами, болезнями, а действия, которые должны исполняться согласно предписанию, были только средствами борьбы, избранными для данного случая самим божеством. Но почему именно эти средства избирались божеством, было и для них так же таинственно и загадочно, как и для нас. Между прочим, у них были также заклинания болезней и магические операции, основанные на более рациональных и ясных началах. Злые духи представлялись в виде страшных, безобразных существ – например, в виде медведя с головой гиены и лапами льва или в виде верблюда с бараньей головой на очень длинной шее и т. д. Халдеи верили, что достаточно показать злому духу его собственный страшный образ, чтобы он с ужасом тотчас же обратился в бегство. В качестве целебного средства изготовляли такое изображение данного демона и прикладывали его к больным местам тела, думая, что этим можно изгнать его. На Цейлоне до сих пор еще употребляется такое целебное средство; а что халдеи применяли его, это ясно видно из следующего заклинания: «Злобный Намтар, чума, сжигает страну, как огонь; Намтар на людей нападает, как Идпа, лихорадка; Намтар ползет по равнине, как цепь. Намтар, поймавши человека, обращается с ним как с врагом; как пламя, сжигает Намтар человека; Намтар не имеет ни рук, ни ног, он на людей нападает подобно змее; словно узлом, вяжет Намтар человека, который хворает».

Описание страшных свойств Намтара продолжается в том же духе, причем рассказывается, как он напустился на данного человека и как богини-защитницы должны были покинуть последнего; но тут выступают высшие боги: «На помощь к нему уж Мардук поспешил; в обитель Эа, отца своего, он вступил и обратился к нему со словами: “Отец мой, злобный Намтар опустошает страну подобно огню”. Вторично он обратился к нему со словами: “Что этот человек должен сделать, ему неизвестно; чем излечить его можно?” Эа возразил своему сыну, Мардуку: “Сын мой, что же тебе неизвестно, чему же я должен тебя научить? Что знаю я, знаешь и ты; иди же, сын мой, Мардук. Вымеси ил океана, и образ, Намтару подобный, вылепишь ты из него. Прикажи положить человека, затем очищение над ним сотвори и образ, Намтару подобный, ему на распухший живот возложи; волшебство ему сообщи, что прямо из Эриду исходит. Взор его обрати на запад. Чтобы злобный Намтар, который в теле его обитает, тотчас бы вышел оттуда! Аминь. Тот образ, который подымает его главу, великой силой исполнен”».

При раскопках в Ниневии и других местах находили множество глиняных статуэток крайне странного вида, голова, шея, корпус и члены которых относились к разным животным. Едва ли подлежит сомнению, что эти глиняные статуэтки изображали демонов различных болезней и что они употреблялись при известных нам заклинаниях.

³ Эриду был главным местом почитания Эа.

Мардук и Тиамат. Рельеф из дворца Синахериба в Ниневии

Заклинатели и врачи освобождали людей из власти демонов, коль скоро они были настигнуты ими, жрецы же чародеи охраняли людей от их козней. Следовательно, таких жрецов можно рассматривать как гигиенистов-магов; при этом они защищали, разумеется, не только здоровье людей, но и их движимое и недвижимое имущество – короче сказать, все их благосостояние. И едва ли надо еще говорить, что все их мероприятия находились в полном согласии с общим представлением халдеев о сущности и причине зла: жрецы-чародеи прибегали к талисманам и амулетам, которые должны были изгонять демонов. Талисманы были изображениями богов, и их ставили всюду: перед домом и в самом доме; амулетами были небольшие глиняные или каменные плитки, лоскутки холста и т. п. предметы, на которых было написано сильное заклинание. Эти амулеты носили постоянно или только при известных обстоятельствах. У нас имеется одно заклинание, но, к сожалению, плохо разбираемое, в котором говорится о талисманах и амулетах. Судя по его содержанию, можно предположить, что оно чаще всего употреблялось при освящении новых домов. В нем говорится между прочим следующее: «Поставь у ограды дома образ бога Унгал-Нирра, который равного себе не имеет, поставь образ бога, который сияет блеском храбрости, который равного себе не имеет, и образ бога Наруди, владыки могучих богов, поставь его на пол под кроватью. Чтобы удержать всякое близкое зло, поставь бога... и бога Латарока у двери. Чтоб отвратить всякое зло в виде пугала, к двери поставь. Поставь образы богов-стражей Эа и Мардука у порога; поставь их вправо и влево».

Для примера мы приведем еще содержание двух амулетов; один из них, вероятно, носила женщина во время беременности; в нем говорится: «О Битнур, прогони болезни далеко, далеко; укрепи зародыш; доведи голову человека до полного развития».

Второй, как кажется, должен воспрепятствовать новому заболеванию человека, исцеленного от чумы. Содержание его следующее: «Злобный демон, злая чума, дух земли изгнал тебя из тела. Да соединятся все вместе, гений-хранитель, защитник-колосс и демон-хранитель, с духом земли. Заклинание великого, великого, великого бога. Аминь».

Однако заклинания, с которыми мы сейчас познакомились, не всегда были действительны; могущественные демоны не пугались их. Но была одна власть, пред которой преклонялось все в мире, как добрые, так и злые духи: это было сокровенное божественное имя, «высочайшее имя», всемогущее божеское имя, которое знал только Эа. Даже боги подчинялись ему, а потому имя это никогда не произносилось в заклинаниях; потому что всякий, кто узнал бы его, получил бы власть, равную власти богов. Если даже Эа дает приказание Мардуку или какому-либо другому вестнику совершить заклинание от высочайшего имени, то предупреждает не называть его имя. Так, в рассказе о том, как Сфинкс Асузу-намир был послан к богине ада Аллат, чтобы потребовать от нее возвращения Истар, утренней звезды, говорится: «Эа скрыл приказание в сокровенном тайнике своего сердца; он создал Асузу-намира, сфинкса с четырьмя головами. “Ступай туда, Асузу-намир; у ворот той страны, откуда никто не приходит обратно, покажешь свой облик! Да увидит тебя Аллат и да почувствует радость при виде твоём! Она успокоится в глубине ее сердца, ее гнев исчезнет. Закляни ее именем всемогущих богов”».

Чародейство

До сих пор мы занимались исключительно священной магией, которая исполнялась жрецами и защищала человека от преследований его злыми духами. Но порядок вещей таков, что если человек может искать помощи у добрых духов против злых, то он должен обращаться также и к демонам, чтобы купить у них помощь или заставить их помочь ему. Так как задачей демонов было творить по возможности больше зла, то все дело сводилось к тому, чтобы склонить их не приносить вреда личным выгодам того человека, который со своей стороны обещал помогать им вредить другим. Что должен для этого делать человек, об этом ему, разумеется, сообщал сам демон. Такие действия были, следовательно, магические, ибо они совершались по указанию высших существ; а так как в этом случае высшими существами являлись злые духи, то эти действия становились чародейством, или черной магией.

Так как чародейство благодаря своему происхождению должно приносить страдания другим, то во всяком благоустроенном обществе его считали за преступление. Поэтому нечего и думать найти в священных магических сочинениях халдеев прямое указание на применение черной магии. Но мы получаем множество косвенных объяснений относительно волшебства, так как жрецы, конечно, должны были бороться и с ним, как и со всеми другими вредными влияниями; заклинания против черной магии дают нам понятия не только о ее действии, но и о самих магических операциях. Как и следовало ожидать на основании всего предыдущего, халдейские сочинения говорят о действии чар, что едва ли существует такое зло, которое бы нельзя было вызвать при помощи чар. Как далеко простирается власть демонов, так же далеко, разумеется, простирается и власть чародея, так как он все исполняет от их имени. Всевозможные несчастья, касались ли они чести, здоровья или имущества людей, рассматривались в священных заклинаниях как вызванные чарами.

Как были разнообразны действия чар, так же разнообразны были и магические операции, посредством которых совершалось околдование. Одно небольшое заклинание, по-видимому, содержит в себе именно перечень средств, которыми пользуются при чародействе. Оно гласит: «Того, кто околдовывает чье-нибудь изготовленное изображение, злой лик, злой взгляд, злой рот, злой язык, злые губы, вредный яд, о, дух неба, закляни их! Дух земли, закляни их!»

Это заклинание мы можем сопоставить со следующими строками другого: «Тот, кто сделал изображение, совершенно похожее на мой вид, тот околдовал весь мой вид, он взял приготовленный для меня волшебный напиток и осквернил мое платье».

После этого невозможно сомневаться, что халдейские волшебники применяли те же приемы, что и знахари-врачеватели дикарей: они изготовляли изображение того, на жизнь кого

покушались, и так или иначе портили это изображение; после этого, как полагали, несчастье должно было постигнуть изображенное лицо. Здесь же имеется вполне определенное указание на применение волшебного напитка; к нему же, разумеется, относятся и слова первого заклинания «вредный яд». Но для волшебника все эти действия не представляли необходимости – он мог портить людей одним взглядом. Вера в «недобрый взгляд», или в «нехороший глаз», о чем была речь выше, и теперь еще распространена не только по всей Азии, но также и в Южной Европе. Далее в заклинании упоминаются «злой рот, злые губы и язык». Это относится, вероятно, к сильнейшим и самым страшным волшебным средствам, именно к проклятию, которое действует даже на богов-хранителей. В другом месте говорится об этом: «Гнусное проклятие действует на людей подобно злему демону; приговор проклятия тяготеет над человеком; приговор гибели тяготеет над ним; гнусное проклятие, оно есть волшебство, которое вызвало безумие. Гнусное проклятие, оно душит этого человека, как ягненка; его бог удалился из его тела; богиня его рассердилась и перешла в другое место».

Едва ли найдется еще более сильное доказательство веры в силу чародейства.

Авгуральные науки

Вера в духов, которую мы рассматривали сейчас, сохранялась в Халдее без существенных изменений в течение многих тысячелетий. Первоначально она развивалась у древнейших обитателей страны, аккадцев, затем перешла к ассиро-вавилонским народам, которые несколько времени спустя боролись между собой за обладание странами по Тигру и Евфрату; вместе с религиозными и суеверными представлениями сохранилось, разумеется, и возникшее из них искусство заклинания. Если бы ко времени царя Ашшурбанапала не сохранилось ни веры в духов, ни искусства заклинаний, то что же побудило бы его приказать приготовить копию с древнего магического произведения и притом даже перевести оригинал на ассирийский язык? Этот факт указывает на то, что древние сочинения употреблялись еще в их первоначальной форме, что подкрепляется и различными другими фактами, о чем мы будем говорить позднее.

Конечно, религия, с которой мы встречаемся в древних сочинениях, в течение времени не могла сохраниться, совершенно не изменяясь. Уже в древние времена, именно в эпоху царя Саргона Древнего, приблизительно за 2000 лет до н. э., имела место в высшей степени своеобразная реформация, которая внесла нечто новое, но не произвела в древней религии каких-либо существенных изменений. Халдеи путем изучения астрономии и истории установили тогда совершенно новый взгляд на то, что, собственно, должно управлять миром. Вероятно, на этих началах был написан целый ряд сочинений, часть которых дошла до нас в списках; из них мы и черпаем наши данные. Эти списки были приготовлены по повелению царя Саргона II, то есть приблизительно за 700 лет до н. э., и списаны не с древних оригиналов, а с их списков, относящихся к XII веку до н. э. Последними, по всей вероятности, пользовались довольно часто, так что в различных местах их уже невозможно было читать, когда Саргон II счел нужным заменить их новыми, существующими до настоящего времени; в этих списках во многих местах среди текста стоит слово «стерто», очевидно, переписчик не мог в этом месте прочесть оригинал. Наиболее замечательные из этих сочинений суть большое сочинение по астрологии на 70–80 таблицах и большое авгуральное произведение приблизительно на 100 таблицах; кроме них имеется еще на 25 таблицах оглавление небольшого астрологического сочинения, разделенного на 25 глав, но от его текста, кажется, ничего уже не сохранилось.

Основная религиозная мысль, выступающая в астрологических сочинениях, есть вера в то, что небесные тела являются настоящей причиной всего происходящего на земле. На основании астрономических наблюдений халдеи рано узнали, что смена времен года, а также и влияние их на все живущее обуславливаются положением Солнца относительно других небесных тел. Отсюда они сделали, конечно, слишком поспешный вывод, что все явления как в жизни

людей, так и в природе определялись взаимным положением звезд. Так как они заметили, что данное положение небесных тел правильно и периодически появляется вновь, то отсюда следовало, что все явления в природе и человеческой жизни также неизменно должны повторяться по истечении более короткого или длинного периода. Если отметить события, происходящие при данной фигуре, образуемой звездами, то есть при данном положении разных небесных тел, то можно предсказать, когда должно повториться это событие, а именно: когда на небе покажется то же самое положение звезд или тот же самый аспект. Отсюда явилось требование – уметь заблаговременно вычислять наступление данного аспекта. Согласно этим воззрениям, занятия астрономией давали средства предсказывать все события, коль скоро раньше было замечено, что именно происходило на земле одновременно с данным явлением на небе. А для этой цели было достаточно сопоставления астрономических и исторических записей, обнимающих довольно продолжительный промежуток времени. Такой труд, вероятно, был исполнен еще при Саргоне Древнем, и с того времени при всевозможных случаях обращались за советом к астрологическим таблицам, возникшим таким образом. Этим мы легко можем объяснить себе такое сильное стирание таблиц, что через известный промежуток времени требовались новые списки с них.

Астрология, учение об определении будущих явлений при помощи звезд, была для халдеев единственной наукой, побуждавшей их всегда к новым астрономическим наблюдениям и записям, чтобы посредством их можно было с наибольшей точностью вычислять, когда наступят на небе данные явления. Но эти мудрецы имели в своем распоряжении еще и другое средство для предсказания хода вещей. Если все, что происходит на земле, имеет свою причину в движениях небесных тел, то и все одновременные явления должны стоять в известных взаимных соотношениях, так как они возникают из одной и той же причины. Следовательно, отмечая все замечательные и необыкновенные события, одновременно происходившие на земле, отмечая их в пределах довольно продолжительного периода времени, можно с помощью этих записей предсказывать будущее. Если вновь наступает известная группа одновременно бывших когда-то событий, то за ними должны последовать те же события, которые выступали прежде, ибо ничего не происходит случайно, но все зависит от небесных тел и все периодически, все повторяется вновь, потому что повторяется само движение небесных тел. Из этих наблюдений возникла мантика, учение о предсказаниях грядущих явлений посредством земных событий. Мантика и астрология охватывают всю науку о предсказаниях, все авгуральные знания. Второе из вышеупомянутых авгуральных сочинений, которое имеется у нас из времен древнего царя Саргона, есть также и мантическое произведение, трактующее земные явления. Ниже мы займемся разбором этих двух произведений.

Астрология. Астрономические наблюдения, на которых халдеи основывали свою астрологию, простираются далеко в глубь веков. Мы не знаем даже, когда они начались; данные древних авторов слишком невероятны, чтобы их можно было принять дословно. Так, например, Гиппарх говорит, будто халдеи наблюдали звездное небо за 270 000 лет до того, как Александр Македонский вступил в Персию. Плиний же говорит о 720 000 годах. Даже меньшая из этих цифр, быть может, увеличена раз во сто; но что их наблюдения имеют весьма почтенный возраст, это видно уже из того, что в большом астрологическом сочинении, составленном, как сказано, за 2000 лет до н. э., имеется таблица солнечных и лунных затмений на каждый день года. Следовательно, уже и в то время такие наблюдения уходили в глубь древности на много веков. Наблюдения халдеев одинаково достойны удивления и по своей точности. Они знали, что солнечный год имеет 365,25 суток и что синодическое время обращения Луны (период времени от одного новолуния до другого) включает в себе 30 дней. Основанием деления времени они признавали время обращения Луны; их год разделялся на 12 месяцев, а каждый месяц – на 30 дней; но так как солнечный год оказывался длиннее на 5 дней, то каждые 12 лет разница достигала двух месяцев. При этом не принимались в расчет те четверти дня, на

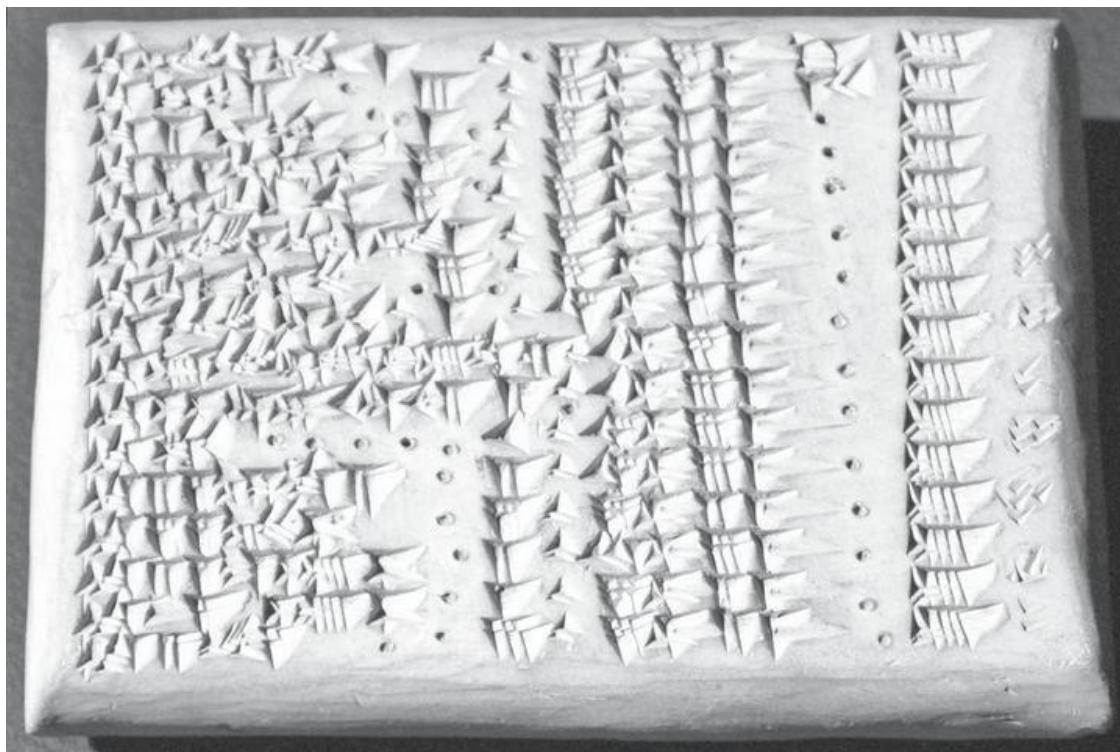
которые солнечный год оказывается больше 365 дней; эти ежегодные остатки вырастали за 124 года до 30 дней, то есть целого месяца, который тогда и засчитывался.

Вторым примером точности их наблюдений может служить то, что они знали о саростических периодах – периодах по 18 солнечных лет или 223 лунных оборота, за которыми повторялись солнечные и лунные затмения. Благодаря этому они могли вычислить наступление затмения; но их определения не всегда бывали абсолютно точными, ибо Солнце как-то раз пренебрегло их вычислениями и вычисленного затмения вовсе не было. Об этом имеется в высшей степени интересный документ, посланный царю Ашшурбанапалу его главным астрологом Абилю-Истаром; начало этого послания гласит: «Царю, моему повелителю, от твоего слуги Абилю-Истара. Да будет мир моему царю, моему повелителю; да будет милость Неба и Мардука моему царю, моему повелителю. Да даруют великие боги долгие годы, здоровье тела и радость сердца царю, моему повелителю. В 27-й день исчезла Луна. В 28, 29 и 30-й день мы ожидали солнечного затмения. Но Солнце не вступило в затмение. В первый день Луна наблюдалась в дневные часы».

Смысл этого послания достаточно ясен. Астрономы ожидали солнечного затмения, но оно не произошло. Если бы это случалось довольно часто, то едва ли они находили бы нужным извещать о том царя. Отсюда мы заключаем, что их астрономические сведения стояли очень высоко и они могли вычислять затмения почти с совершенной точностью. Далее мы узнаем из этого документа, что они вели счет дням месяца от новолуния, то есть первым днем месяца был день после новолуния; солнечное затмение должно наступать всегда при новолунии, а в послании вполне определенно говорится о первом дне, когда Луна стала опять видимой.

Остановимся еще на одном пункте этого послания. Астролог желает царю благословения богов и называет Небо и Мардука. Мы видим, таким образом, что вера в богов сохранилась еще, и притом не только у народа, но также и у верховных жрецов – вероятно, в это время главный астролог был после царя высшим лицом в государстве. Эта вера в богов, а также и вера в демонов, сохранившаяся, как сказано, без существенных изменений, стоит в резком противоречии с тем положением, что звезды руководят всем. Но халдеи сумели весьма остроумно связать эти два явно несовместимых воззрения, отождествляя высших богов со звездами. Движущиеся небесные тела и наиболее яркие неподвижные звезды получили имена двенадцати богов и таким образом отождествились с ними. И демоны, подчиненные в древней религии власти богов, теперь также оказались в зависимости от богов, отождествленных со звездами. Получали ли демоны позволение вредить людям, это зависело теперь от положения звезд, это было написано в звездах. Конечно, демоны остались причиной всякого зла, но только с согласия высших богов, то есть звезд. Таким образом, астрология и искусство заклинания могли мирно уживаться друг с другом, хотя астрология предполагала, что все происходит регулярно и поэтому может быть вычислено, между тем как искусство заклинания предполагало, что все зависит от произвола и каприза богов и демонов.

Перечень созвездий с указанием расстояний. Урук. 320–150 гг. до н. э.

Я ограничусь лишь передачей таких отрывков из большого астрологического сочинения, которые могут дать ясное представление о том, как тщательно вели халдеи свои астрологические записи; изложение всего этого сочинения потребовало бы слишком много места, да и не представило бы большого интереса. Таблицы касаются, разумеется, почти исключительно явлений общественной жизни, войны и мира, царя и войска, урожая, ветра и погоды и т. д.; и в этом отношении они проведены до последних мелочей, так что едва ли было в то время какое-либо небесное явление, которое не ознаменовалось бы известными следствиями на земле.

Ночь распадалась на три дежурства, или стражи. Следующий отрывок дает объяснение зависимости военных предприятий от этих дежурств: «Выступать солдатам: вечерняя стража неблагоприятна, полуночная – благоприятна, утренняя – неблагоприятна. Брать приступом город: вечерняя стража благоприятна, полуночная – неблагоприятна, утренняя – благоприятна».

Мы, конечно, не можем видеть тех звезд, которые стоят на небе одновременно с Солнцем. Но благодаря движению Солнца звезды, невидимые в одно время года, становятся видимыми в другое. Такой оборот звезд имел определенное значение для каждого отдельного лица. Объяснение этого дает нам отрывок из одной таблицы; из него же мы узнаём, что по крайней мере более яркие звезды уже тогда имели свои названия.

«Когда возвращается звезда судьбы, в стране чума. Если звезда Ирби – страна благоденствует. Если звезда сверкающего тела – в стране сила и жизнь. Если звезда страшного дня – стране угрожают бедствия.

Если звезда Дильме – счастье ожидает страну. Если звезда Абзин – предостережение стране. Если звезда Алабастера – благоденствие в стране» и т. д.

На таблице это перечисление идет дальше; на ней отмечено около 30 звезд с объяснением обстоятельств, которыми они будут сопровождаться на земле при своем появлении; приведенного отрывка, однако, достаточно, чтобы дать понятие о таких предсказаниях.

Несколько точнее приводятся данные о явлениях, которыми сопровождаются затмения. Образчиком этого я возьму отрывок из месяца Таммуз, из большой таблицы; здесь Солнце

стоит в знаке Рака, то есть в четвертом по халдейскому исчислению времени: «В первый день, если случится затмение, если оно начнется на юге и будет светло⁴ – умрет великий царь. В месяц Таммуз, во второй день, если наступит затмение и начнется с севера и будет светло – царь будет воевать с царем. Таммуза в третий день, если наступит затмение и начнется с востока и будет светло – полюбятся дожди и будут наводнения. Таммуза четвертого дня, если наступит затмение и начнется с запада и будет светло – в Финикии уродится хлеб. Таммуза пятого дня, если наступит затмение и взойдет великая звезда – будет голод в стране...»

Не было на небе ни одного явления, которое не имело бы своего определенного значения. Подробные таблицы приводят последствия различного взаимного положения Солнца и Луны: «Солнце и Луна равны (находятся в конъюнкции). Страна благоденствует; народ имеет в изобилии насущный хлеб. Царь страны твердо держится на троне» и т. д.

Халдейские астрологи могли предсказывать не только все, что касалось общественного блага, но и судьбу всякого человека. Всякий человек со дня своего рождения находился под влиянием определенной звезды, которая была или планетой, или неподвижной звездой, находившейся в зодиаке. Жизнь человека зависела от положения этой звезды в момент его рождения относительно Луны, Солнца и планет; вероятно, многочисленная толпа астрологов имела постоянные занятия, определяя это положение звезд (гороскоп) при рождении каждого индивидуума. В настоящее время неизвестно, по каким правилам они излагали гороскоп, то есть предсказывали судьбу человека на основании аспекта звезд при его рождении. В Средние века это искусство достигло в Европе высокого развития, и мы еще вернемся к этой интересной отрасли авгуральных знаний.

Мантика, то есть учение об истинном значении земных явлений, как уже замечено, имела свои корни в астрологии и по этой причине стояла с ней в теснейшей связи. Но из большого сочинения царя Саргона до сих пор переведено так мало, что можно получить лишь крайне поверхностное понятие о том, по каким правилам излагались земные явления. Все сочинение распадается на 14 глав, которые трактуют о наблюдении за полетом птиц и внутренностями жертвенных животных, описывают различные явления природы и дают толкование снов. Однако этим мантика далеко не исчерпывается; из других источников мы знаем, что халдеи занимались также и геомантией, то есть предсказаниями с помощью геометрических фигур; кроме того, они часто бросали жребий, чтобы в известных случаях узнавать волю богов.

О толковании полета птиц до сих пор почти ничего не известно; мы знаем только, что оно играло у халдеев весьма важную роль. Из 14 глав большого мантического произведения три трактуют об этом, но из этих трех глав почти что ничего не исследовано. Несколько лучше обстоит дело с объяснением наблюдения внутренностей жертвенного животного. Некоторые отделы, трактующие об этом, имеются в переводе; они заключают в себе целый ряд фантастических толкований в совершенно такой же форме, как и астрологические.

«Если в желудке осла имеются с правой стороны впадины, то последует наводнение. Если внутренности осла завернуты на правую сторону и черны, то бог дарует изобилие всего в стране царя. Если внутренности осла завернуты на левую сторону и черны, то бог не даст изобилия в стране царя. Если внутренности осла завернуты на правую сторону и синеваты, то будет печаль и горе в стране царя. Если внутренности осла завернуты на левую сторону и синеваты, то не будет ни печали, ни горя в стране царя».

Отсюда видно, что то, что на одной стороне тела признается за благоприятный признак, на другой приносит несчастье; счастье и несчастье одинаково распределяются направо и налево. Подобно этому служили приметами ветер и погода, дождь, облака, молния и другие явления природы, например шелест деревьев. Из диких зверей особое значение для халдеев имела змея, как и для большинства современных дикарей. Змея была символом сверхъесте-

⁴ То есть если будет день, затмение наступит днем. – Прим. д-ра Петерсона.

ственных знаний; она была атрибутом Эа, атрибутом божественной мудрости. Возможно, что змей даже держали в некоторых вавилонских храмах и пользовались ими как оракулами. Также и драгоценные камни имели свое значение в мантике. В одном историческом документе из ниневийской библиотеки рассказывается, что когда хотели узнать, будет ли счастлив или нет предпринятый поход, то с этой целью рассматривали сверху и снизу сверкающие лучи, которые разбрасывал направо и налево «бриллиант на пальце». Вероятно, этот бриллиант украшал кольцо на пальце идола, служившего, таким образом, особым оракулом.

Особенное значение имели собаки и их поведение. Одна таблица объясняет, что должно означать, если бы чужая собака забежала в храм или во дворец царя: «Если серая собака забежит во дворец, то он погибнет в пламени. Если желтоватая собака забежит во дворец, то его ожидает насильственный конец. Если рыжая собака забежит во дворец, то с врагами будет заключен мир...»

Это перечисление продолжается в таблице в том же духе и становится положительно комичным благодаря той основательности, с какой приводятся всевозможные цвета собак, а также и все более или менее опрятные отправления, какие только может совершать собачий организм. Например, наименее чистая сторона собачьей жизни отмечается в другом отрывке: «Если вырвет собаку в доме – умрет хозяин дома. Если собака обмочит во дворце трон, то умрет царь и враги поделят между собой его царство. Если собака помочится в храме, то с неба польются потоки дождя, на улицах будет потоп, голод и мор в стране» и т. д.

Вероятно, за собаками строго следили, коль скоро их естественные потребности могли принести стране столько бедствий.

Все необычайные явления, например рождение уродов, тотчас же записывались самым точным образом вместе с их значением. В магическом сочинении имеется множество таблиц по этой интересной теме; одна трактует об уродах царского происхождения, вторая – об уродах простых смертных и третья – об уродах животных.

Но самое большое значение, по-видимому, имели для халдеев сны. Мы знаем, что снов толкователи пользовались большим почетом; сны и их значение играют чрезвычайно важную роль в героической поэме Эпос о Гильгамеше; герой Гильгамеш и его друг Энкиду предугадывают благодаря сновидениям все выдающиеся события своей жизни и умеют объяснить их друг другу. Известно также, как пророк Даниил сделался могущественным человеком в государстве, сообщив царю Навуходоносору сон, который видел царь, и растолковав его. В книге пророка Даниила говорится: «Тогда возвысил царь Даниила и дал ему много больших подарков, и поставил его над всею областью Вавилонскою и главным начальником над всеми мудрецами Вавилонскими» (II, 48). У халдеев сны играли столь важную роль, что они даже подробно заносили их в свои исторические погодные летописи. В летописях царя Ашшурбанапала имеется целый ряд сновидений, которые царь видел незадолго перед выдающимися событиями и т. д., и по этим сновидениям каждый раз предсказывался исход, какой действительно имели последующие события. Однако нам совершенно неизвестны правила толкования снов, так как не прочитаны еще трактующие об этом таблицы магического сочинения.

Из некоторых отрывков, найденных в Ниневии, видно, что халдеи занимались также и геомантией, объяснением геометрических фигур. Так как астрономические вычисления требовали значительных сведений по математике, то легко понять, почему геомантия пошла на дальнейшие спекуляции над геометрическими фигурами. Вероятнее всего, эти спекуляции производились так: брали полную горсть песка и подбрасывали его над какой-либо гладкой поверхностью; затем рассматривали полученные фигуры и объясняли их по известным правилам. Таким образом, эта операция указывает на древнее происхождение предсказаний наших гадалок на кофейной гуще. Наконец, пользовались жребием, и чаще всего при помощи стрел. Их употребляли, например, если хотели узнать, какой путь должно избрать войско, чтоб успешнее напасть на врага. У нас не имеется никаких письменных данных самих халдеев о приме-

нении этого метода, но в книге пророка Иезекииля рассказывается о Навуходоносоре: «Ибо царь Вавилонский остановился на распутье, при начале двух дорог, для гадания; трясет стрелы, вопрошает терафимов рассматривать печень» (XXI, 21). На ассирийских и вавилонских памятниках часто изображались эти мантические стрелы, по большей части восемь стрел. Они без перьев и тупы и, вероятно, употреблялись двояко: или ими стреляли в воздух, чтобы определить направление, которого следовало держаться, или же, пометив их какими-либо знаками, одну из них вытаскивали из колчана.

Распространение халдейской магии

Если мы привели более подробное изложение халдейской магии, то сделали это не потому лишь, что халдейская система – одна из древнейших и наиболее законченных из всех когда-либо существовавших, но особенно потому, что суеверие и чародейство развивались в Европе главным образом под влиянием халдейских воззрений. Халдейские представления и операции прежде всего распространились по северо-восточной соседней стране, Мидии, жрецы которой, «маги», частью приняли ее, частью развили свою сходную систему. Напротив, халдейская магия не имела доступа в Персию, так как учение Зороастра строго запрещало всякое чародейство. Только когда персы при Кире Великом покорили Вавилон в 539 году, тогда народы перемешались, и мидийские маги, и вавилонские жрецы, или халдеи, как их тогда называли, вскоре достигли при персидском дворе такого же видного положения, каким они пользовались у себя на родине. Евреи, получившие от Кира разрешение вернуться на свою родину, разумеется, перенесли с собой из вавилонского плена точное знание всей халдейской магии, и это знание впоследствии стало распространяться среди народа благодаря книге Еноха и другим псевдоэпиграфическим сочинениям⁵. В то же время они развивали их в каббале в таинственную систему, а каббала проникла в Европу сначала окольным путем, через мавров, а затем играла выдающуюся роль в эпоху Средних веков и даже до последнего времени.

Европа вступила в непосредственное соприкосновение с халдейской магией в V веке до н. э. благодаря войнам греков с персами. Поэтому греческие историки признают Зороастра, основателя персидской религии, за изобретателя всей магии; мы знаем теперь, что ничего подобного и быть не могло. Так называемая персидская магия была халдейского и мидийского происхождения. По завоевании Александром Македонским огромной Персидской монархии бесчисленные толпы магов наводнили Грецию. Приблизительно в то же время и египетская магия начинает приобретать все большее и большее значение, но Греция была уже тогда так заражена, что то новое, что вносили египтяне, не имело большого влияния. Египетская магия, вероятно, только тогда оказала на Европу свое сильнейшее влияние, когда арабы спустя много веков завоевали Египет и усвоили себе скудные остатки мудрости древних египтян, их астрологию и алхимию, которые вместе с европейской каббалой перенесли затем в Испанию, а после того распространили и далее по Европе. Поэтому описание этого развития мы должны отложить до другого раза; теперь же мы займемся исключительно первым влиянием Востока на Европу.

---

⁵ *Псевдоэпиграфы* – это анонимные сочинения, которые выдавались за писания выдающихся личностей Ветхого Завета – Ноя, Авраама, Иосифа, Соломона и т. д., чтобы через это они приобрели большее значение.

Греки и римляне

Первобытная греческая магия

Относительно магии греков, которой мы займемся сначала, господствуют самые противоположные взгляды. Некоторые придерживаются того мнения, что греки в древнейшие времена не имели никакого понятия о волшебстве; другие исследователи, напротив, видят во всей греческой цивилизации не что иное, как «воплощенную магию, подобной которой не было ни у какого другого народа, ни до, ни после греков» [1].

Всякий согласится с тем, что это мнение в буквальном своем смысле крайне несправедливо; но, с другой стороны, увлекаясь греческой жизнью, не следует упускать из виду ее темную сторону. Подобно всем древним народам, греки верили в привидения и в демонов, поддерживали культ мертвецов и подземных духов и представляли себе богов в образе зверей и страшных чудовищ. Название героя, с которым позднее было связано представление о великих подвигах, первоначально означало лишь душу умершего, продолжающую жить в могиле, или в доме под порогом, или на очаге. Для питания героя лили кровь жертвенных животных в углубления, через которые она должна была проникать в землю; могила героя какого-нибудь города становилась для окрестной страны местопребыванием оракула. Это почитание героев, тесно связанное с государственным и правовым строем, сохранилось в греческом мире до позднейших времен. Вместе с родственным ему поклонением подземным богам оно послужило основанием для целого ряда жреческих обрядов, носивших характер волшебства, магии, таинства; обряды эти упрочились тем более, что жреческое сословие и жреческие семейства в Греции остались почти не тронутыми новым, быстро развивающимся культом и охотнее вращались в кругу традиционных представлений доисторических греков, чем в кругу новых идей, вызванных ионическим и аттическим просвещением. Простой народ, само собой разумеется, по развитию стоял не выше жрецов: аркадские, мессенские и фессалийские крестьяне до времен Римской империи сохранили свои первобытные культы с медвежьей пляской и факельным бегом, с неуклюжими идолами и грубыми обычаями, с заклинаниями и чудодейственными исцелениями и вообще придерживались самого наивного суеверия, которое легко могло привести к самым грубым заблуждениям и необузданному распутству, как это и случилось действительно во время усиления культов Диониса и Асклепия.

Образованные классы также не оставались чужды этой низшей религии; кроме того, что их вместе с другими увлекали религиозные эпидемии, вроде вышеупомянутых, в жизни большинства греков оставался элемент суеверия, как это видно, например, из празднества анфестерий в Афинах. В эти дни, посвященные культу мертвых, все ежеминутно ожидали появления привидений и, чтобы защититься от них, жевали листья боярышника, мазали дверные косяки смолой, приносили пищу мертвым, прося их милостиво вкусить ее, и т. п., словом, совершали действия, свидетельствовавшие о самых первобытных представлениях. И это был не единственный случай, когда образованный грек обнаруживал образ мысли, плохо согласовавшийся с греческим просвещением.

Но именно эта дисгармония между суеверием и культурой и представляет особенный интерес в жизни греков, а вместе с тем показывает нам, насколько греческая культура стояла выше других культур Древнего мира, которые, как, например, вавилонская, насквозь были проникнуты суеверием и допускали всякого рода демонологию. Греческая же культура, в которой мы видим корень нашей культуры, все более освобождалась от суеверий и избрала своей основой свободную, развитую человеческую личность, как нам ее изображает Гомер. Ионийские колонисты на малоазийском берегу, среди которых возникли его поэмы, принесли с собой

очень малую долю культа, суеверия и предрассудков родины, и свободный дух (можно сказать, свободомыслие) этих людей благодаря созданному ими эпосу остался незабвенным моментом эллинской жизни и типом истинно греческого духа. Поэтому, желая рассмотреть отношение греков к суеверию и демонологии, мы смело можем избрать своей исходной точкой Гомера.

Помимо хорошо известных олимпийских божеств греческая религия охватывала в гомеровскую эпоху еще целое множество низших духов, так называемых нимф, населявших всю природу. Это видно, например, из слов Одиссея, когда он, высадившись на остров феаков и будучи разбужен криками Навсикаи и ее служанок, говорит (Одиссея, VI, 122 и далее):

Кажется, девичий громкий вблизи мне послышался голос.
Или здесь нимфы, владелицы гор крутоглавых, душистых,
Влажных лугов и истоков речных потаенных, играют⁶.

То, однако, что Одиссей вслед за тем смело выходит из своего убежища, показывает нам, что, по греческому воззрению, человеку нечего было бояться нимф. Из многих других мест гомеровских поэм видно, что это были добрые духи, которые, подобно богам, лишь в том случае относились враждебно к людям, когда последние оскорбляли их каким-нибудь поступком. Из вышеприведенной цитаты можно также сделать вывод, что греки не верили в злых духов. В глазах Одиссея существуют только две возможности: нимфы или люди; других говорящих существ он не знает. Халдейский поэт в подобном случае не преминул бы упомянуть о третьей возможности, о демонах, злоумышляющих против человека.

---

⁶ Здесь и далее Одиссея цитируется в переводе В. А. Жуковского. – *Прим. ред.*

Напея (нимфа лесных долин, лощин и полян). Гравюра К. Корта по рисунку Ф. Флориса. 1564 г.

У позднейших греческих писателей, правда, встречается упоминание о демонах, но последние соответствуют у них скорее духам-хранителям, сопровождающим каждого человека; во всяком случае, они не являются злыми божествами. С существами же такого рода греки познакомились лишь после того, как вступили в сношения с халдеями, хотя, впрочем, и в древнейшие времена им не совсем было чуждо представление о вредящих человеку демонах; свидетельство об этом можно найти у Гомера, например в Одиссее (Одиссея, V, 394 и далее):

Сколь несказанной радостью детям бывает спасенье
Жизни отца, пораженного тяжким недугом, все силы
В нем истребившим (понеже злой демон к нему прикоснулся),
После ж на радость им всем исцеленного волей бессмертных.

Но подобные упоминания все-таки представляют лишь исключительное явление: настоящей демонологии у греков в ту эпоху еще не было.

Согласно их воззрениям, все, что случается, происходит по воле богов; боги посылают человеку и доброе, и злое, боги подвергают его болезни, спасают от гибели, низвергают его душу в Гадес – словом, поступают с ним как им заблагорассудится. Всякие особенные напасти, постигающие человека, служат выражением гнева богов. Десятилетнее странствование Одиссея и все его злоключения вызваны лишь мщением Посейдона за то, что герой ослепил его сына циклопа Полифема (Одиссея, I, 19 и далее):

Преисполнились жалостью боги
Все; Посейдон лишь единый упорствовал гнать Одиссея,
Богopodobного мужа, пока не достиг он отчизны.

Если разгневанного бога нельзя умиловить жертвами, что легко может случиться, так как боги часто бывают непримиримы в своем гнѣве, преследуемому остается только один исход – искать помощи у какого-нибудь благоприятствующего ему божества. Так, Одиссей беспрестанно призывает Афину Палладу, которая ему действительно и помогает, насколько она может это делать, не вступая в открытую распрю со своим могущественным дядей Посейдоном (Одиссея, VI, 324 и далее):

«Дочь непорочная Зевса эгидодержавца, Паллада,
Ныне вонми ты молитве, тобою не внятой, когда я
Гибнул в волнах, сокрушенный земли колебателя гневом;
Дай мне найти и покров и приязнь у людей феакийских».
Так говорил он, моляся; и был он Палладой услышан;
Но перед ним не явилась богиня сама, опасаясь
Мощного дяди, который упорствовал гнать Одиссея,
Богopodobного мужа, пока не достиг он отчизны.

Словом, во всех тех случаях, когда халдей, вероятно, предположил бы вмешательство демона и попытался бы усмирить его путем заклинания, грек с упованием обращается к тому из божеств, которое ему внушает наибольшее доверие. Поэтому мы не можем и рассчитывать на то, чтобы у них существовало искусство заклинания.

Тем не менее у Гомера встречается немало мест, из которых видно, что греки верили в возможность волшебства, и притом не только в искусство прорицания – последнее и у халдеев не было связано с верой в демонов, – но и в оперативную магию, то есть в магические действия, могущие изменять ход вещей.

Во-первых, естественно, что боги беспрестанно совершают чудеса – это в самой их природе; если бы они не могли совершать действий, превосходящих силы и способности человека, то они не были бы богами. Но мы видим также, кроме того, что и низшие богopodobные существа: полубоги, нимфы и т. п. – одарены большим могуществом. Когда Менелай на Фаросе хочет поймать Протея, о котором буквально говорится следующее: «...морской проникательный старец, / Равный бессмертным Протей, египтянин, изведавший моря / Все глубины и царя

Посейдона державе подвластный» (Одиссея, IV, 384 и далее), то это нелегко ему удастся, как видно из его рассказа (Одиссея, IV, 454 и далее):

Кинувшись с криком на сонного, сильной рукою все вместе
Мы охватили его; но старик не забыл чародейства;
Вдруг он в свирепого с гривой огромного льва обратился,
После предстал нам драконом, пантерой, вепрем великим,
Быстротекучей водою и деревом густовершинным;
Мы, не робея, тем крепче его, тем упорней держали.

Всем известен также рассказ о Цирcee, превратившей товарищей Одиссея в свиней; но Цирцея – дочь богов и сама богиня. Мысль же о возможности для людей творить подобные чудеса, по-видимому, не приходила в голову древним грекам. Когда Одиссей возвращается на родину, Афина придает ему вид нищего для того, чтобы весть о его прибытии не распространилась слишком рано. В таком обличье видит его в первый раз его сын Телемах; когда же они встречаются во второй раз, Афина уже возвратила Одиссею его прежний мужественный вид, но Телемах все-таки не узнаёт его (Одиссея, XVI, 194 и далее):

«Нет, не отец Одиссей ты, но демон, своим чародейством
Очи мои ослепивший, чтоб после я горестней плакал;
Смертному мужу подобных чудес совершать невозможно
Собственным разумом: может лишь бог превращать во мгновенье
Волей своей старика в молодого и юношу в старца;
Был ты сначала старик, неопрятно одетый: теперь же
Вижу, что свой ты богам, беспредельного неба владыкам».

Здесь ясно выражено мнение, что человек сам не в состоянии изменять свой вид, и Гомер действительно нигде не рассказывает о таких превращениях, в которых не принимали бы участия боги. В общем, в песнях Гомера очень мало говорится о волшебстве – лишь там, где идет речь о чудодейственном применении растительных веществ.

Из таких мест особенно известно одно, на которое часто ссылаются как на доказательство того, что магия была в ходу у греков: это рассказ о том, как Елена привела в веселое настроение гостей за столом Менелая, когда они опечалились под влиянием воспоминаний о Трое (Одиссея, IV, 219 и далее):

Умная мысль пробудилась тогда в благородной Елене:
В чаши она круговые подлить вознамерилась соку
Гореусладного, миротворящего, сердцу забвенью
Бедствий дающего; тот, кто вина выпивал, с благотворным
Слитого соком, был весел весь день и не мог бы заплакать,
Если б и мать, и отца неожиданной смертью утратил.
Если б нечаянно брата лишился иль милого сына,
Вдруг пред очами его пораженного бранною медью.
Диева светлая дочь обладала тем соком чудесным;
Щедро в Египте ее Полидамна, супруга Фоона,
Им наделила; земля там богатообильная много
Злаков рождает – и добрых, целебных, и злых, ядовитых...

Не подлежит сомнению, что египтянам уже в древности был известен гашиш, смолистое вещество, добываемое из индийской конопли (*Cannabis indica*) и в наше время все еще широко употребляемое на Востоке как дурманящее средство. Гашиш – на некоторых людей, по крайней мере, – оказывает совершенно такое действие, какое описано у Гомера, и способ употребления этого сока Еленой также является вполне естественным и имеет также мало общего с волшебством, как если бы гости напились вина для того, чтобы позабыть свои огорчения. Однако в других местах мы действительно имеем дело с волшебством; о феакийских кораблях в Одиссее рассказывается следующее (Одиссея, VIII, 557 и далее):

Кормщик не правит в морях кораблем феакийским; руля мы,
Нужного каждому судну, на наших судах не имеем;
Сами они понимают своих корабельщиков мысли...

Подобное же представление находим мы у северных народов, которые признавали за некоторыми семействами особый дар, заключающийся в том, что, когда они распускали паруса, сейчас же поднимался попутный ветер, направлявший их корабль, куда им хотелось.

Из многих мест Илиады явствует, что под Троей с греками были врачи, которые при врачевании ран поступали вполне рационально – обмывали их и прикладывали к ним целебные травы. Лишь в одном месте Одиссеи встречаемся мы с указанием на лечение посредством волшебства. Когда Одиссей на охоте был ранен вепрем, рассказывается (Одиссея, XIX, 457):

...и потом Одиссееву рану
Перевязали заботливо; кровь же, бежавшую сильно,
Заговорили⁷.

Относительно содержания магических песен или формул, а также того, как греки себе представляли их действие, мы ничего не знаем и можем делать только предположение. Злых духов они, вероятно, не заклинали уже только потому, что не верили в них, как мы это видели выше; да кроме того, если б они даже и верили в них, то, вероятно, не предположили бы их вмешательства при таком простом явлении, как рана, когда виновник этой раны, вепрь, лежал мертвый у их ног. С другой стороны, под словами «волшебная песнь», вероятно, нельзя также понимать простое обращение к богам, так как в таком смысле этот термин, наверное, не стали бы употреблять. Таким образом, остается заключить, что греки верили в непосредственное влияние произносимой мистической формулы на природу вещей, то есть признавали, что произносимое слово само по себе обладает способностью и свойством влиять на естественное течение событий. Это воззрение лежит, по-видимому, в основе древнегреческого волшебства; да и вообще на нем, должно быть, основывалась магия всех европейских народов в языческие времена. У северных народов, во всяком случае, можно подметить эту мысль, и есть основание предполагать, что она существовала и у других европейских народов, занимавшихся колдовством, но не веривших в демонов.

Вернемся, однако, к греческим врачам. Мы видели, что они даже при лечении ран прибегали к заклинаниям; естественно предположить, что то же делалось и при внутренних болезнях, правильное лечение которых требовало, конечно, гораздо более глубокого понимания дела, чем то, на какое способен первобытный народ. И мы действительно знаем, что собственно врачебное дело с древнейших времен было связано с храмами, главным образом с храмами Аполлона и Асклепия. Что там при этом происходило, неизвестно нам в точности, так как медицинское дело до Гиппократов (около 400 до н. э.) составляло тайну, хранившуюся в извест-

---

⁷ В подлиннике буквально: остановили волшебной песнью.

ных фамилиях жрецов; но и того немногого, что нам известно, достаточно, чтобы убедиться, что все лечение носило характер религиозной магии. Больные, желавшие быть принятыми в храм для лечения, должны были сначала поклясться в том, что строго будут соблюдать все предписания. Затем они должны были несколько дней поститься или по крайней мере придерживаться строгой диеты, причем употребление вина было почти совершенно воспрещено. После того жрецы водили их по храму и показывали им изображения и посвященные богам таблицы, служившие воспоминанием о чудесах, совершенных божественной милостью. При этом произносили молитвы и пели священные песни, которые больные должны были повторять вслед за жрецом. Пение часто сопровождалось музыкой. Затем совершали жертвоприношение богам; большей частью приносили в жертву барана, но иногда и других животных, преимущественно птиц. Чтобы достойным образом подготовить больных к получению откровения от бога, их обыкновенно заставляли омыться, затем намазывали их и возлагали на них руки. Они должны были вдыхать курения, приготовлявшиеся из различных трав, и ложились спать на освященных местах во внутренности храма. Во сне они получали откровение от бога, возвещавшего им смерть или исцеление и указывавшего средство для достижения последнего; на этих указаниях основывалось дальнейшее лечение. Некоторые писатели того времени сообщают, однако, что больные не всегда выздоравливали даже в тех случаях, когда выздоровление было обещано им от бога.

Если мы теперь обратимся к искусству прорицания у греков, то увидим, что оно опиралось у них на чисто религиозную основу. Грядущие события всегда возвещаются богами или непосредственно, или при помощи знаков, которые люди должны толковать. Непосредственные откровения давались в храмах через оракулов. Таких оракулов в Греции было несколько; наиболее известными и почитаемыми из них были оракул Аполлона в Дельфах, в Беотии, и оракул Зевса близ Додоны в Эпире. В обоих этих местах бог давал ответы на предлагаемые вопросы через посредство жриц; жрица Аполлона называлась Пифия, жрица Зевса – Пелиада. Но они не могли возвещать слова богов во всякое время и при обыкновенных условиях: чтобы воспринять откровение богов, необходима была особая подготовка, именно жрицы должны были быть приведены в известное состояние экстаза. Средством для этого в Дельфах служили пары, выходившие из расщелины в скале, над которой построен был храм. Пифия всходила на треножник, поставленный над расщелиной, и под влиянием паров, проникаясь внушением бога, прорицала его ответ. Последний обыкновенно был, однако, так неясен, что его должны были сначала истолковать жрецы.

В Додоне Пелиада пила воду из протекавшего там опьяняющего источника и благодаря этому становилась, подобно пифии, способной к восприятию сообщений богов. Метод в обоих случаях был один и тот же, только средства различны.

Известно, что многие из греческих оракулов пользовались такой славой, что не только греческие государства, но и иностранные цари обращались к ним за советом, когда имели в виду важные предприятия.

Помимо этих способов прорицания, связанных со служением при храмах, существовали еще и другие средства для определения будущих событий. Некоторые люди получали от богов в виде особой милости, а иногда и в виде наказания дар предрекать будущее. Такие прорицатели, не нуждавшиеся для открывания будущего ни в каких особенных приемах, неоднократно упоминаются у Гомера (Одиссея, X, 492; Илиада, VI, 75; XI, 329). Но и другие смертные, не обладавшие таким даром, могли предсказывать события, если только умели толковать знамения, посредством которых боги возвещали свою волю. К числу наиболее распространенных из таких знамений принадлежал, как и у халдеев, полет птиц – о нем не раз говорится у Гомера (Одиссея, I, 200; II, 158; Илиада, II, 858; X, 274; XII, 199). Чтобы осветить эту сторону греческой мантики, достаточно указать на то, как Одиссей и Диомед идут во мрак ночи высматривать знамение (Илиада, X, 274 и далее):

Доброе знаменье храбрым немедля послала Афина —
Цаплю на правой руке от дороги; они не видали
Птицы сквозь сумраки ночи, но слышали звонкие крики.
Птицей обрадован был Одиссей и взмолился Афине...⁸

Всегда считалось хорошим знаком, если птица летела справа налево, поэтому оба героя и воздали хвалу Афине. К числу явлений природы, служивших предзнаменованием, принадлежала молния, которую Зевс посылал возвещать и дурное, и хорошее. В Илиаде упоминается также в одном месте о кровавом дожде как о предвестии грозящего бедствия (XI, 63).

---

⁸ Здесь и далее Илиада цитируется в переводе Н. И. Гнедича.

Афина с копьем и совой. Лекитос. 490–480 г. до н. э.

Наконец, греки прибегали еще к одному виду прорицания, запрещенному у халдеев, а именно к некромантии, то есть к заклинанию мертвых с целью узнать от них будущее. Это единственное магическое действие, которое Гомер описывает более или менее подробно; его

совершает Одиссей, по совету Цирцеи приплывший через Океан к входу в Гадес (Одиссея, XI, 23 и далее):

Дав Перимеду держать с Еврилохом зверей, обреченных
В жертву, я меч обнажил медноострый и, им ископавши
Яму глубокую, в локоть один шириной и длиною,
Три совершил возлияния мертвым, мной призванным вместе:
Первое смесью медвяной, второе вином благовонным,
Третье водой и, мукою ячменной все пересыпав,
Дал обещанье безжизненно-веющим теням усопших:
В дом возвратяся, корову, тельцов не имевшую, в жертву
Им принести и в зажженный костер драгоценностей много
Бросить; Тиресия ж более прочих уважить, особо
Черного, лучшего в стаде барана ему посвятивши.
Дав обещанье такое и сделав воззвание к мертвым,
Сам я барана и овцу над ямой глубокой зарезал;
Черная кровь полилася в нее, и слетелись толпою
Души усопших, из темных бездн Эреба поднявшись:
Души невест, малоопытных юношей, опытных старцев,
Дев молодых, о утрате недолгия жизни скорбящих,
Бранных мужей, медноострым копьем пораженных смертельно
В битве и брони, обрызганной кровью, еще не сложивших.
Все они, вылетев вместе бесчисленным роем из ямы,
Подняли крик несказанный; был схвачен я ужасом бледным.

Чтобы заставить их говорить, Одиссей дает им по очереди напиться крови, налитой в яму; кровь, как жизненный сок, на короткое время возвращает жизнь мертвецам.

Из других суеверных представлений, которые с уверенностью можно вывести из древнейших времен, укажем еще на «выбор дней», то есть на веру в счастливые и несчастные дни, о чем упоминается у Гесиода.

Греческая магия после персидских войн

Греки сохранили только что изложенные воззрения до эпохи персидских войн, то есть приблизительно до 500 года до н. э. Уже несколько ранее греческие философы в своем стремлении рационально объяснить происхождение и природу бытия начали колебать основы старой веры в богов. Размышление о природе и назначении души привело Пифагора и Эмпедокла к отрицанию верования в пребывание души в Гадесе; взамен этого они допускали странствование души, благодаря которому она постепенно становится совершеннее. Таким образом, в круг понятий греков проникло представление о духах и демонах; это представление скоро нашло себе опору в учении о демонах и в связанной с ним магии, с которыми греки познакомились после своего столкновения с персами. Особенно жители Фессалии, где персы сравнительно долго держались, приобрели себе с тех пор славу кудесников.

Фессалийские женщины могли при помощи особых мазей превращать людей в животных и в камни, а ночью они по воздуху отправлялись на любовные похождения. Вот где начало средневекового верования в путешествия ведьм. Богиня луны Геката, первоначально являвшаяся божеством благодетельным, ограждавшим от зла, постепенно превратилась в покровительницу ведьм и властительницу всего мира волшебства.

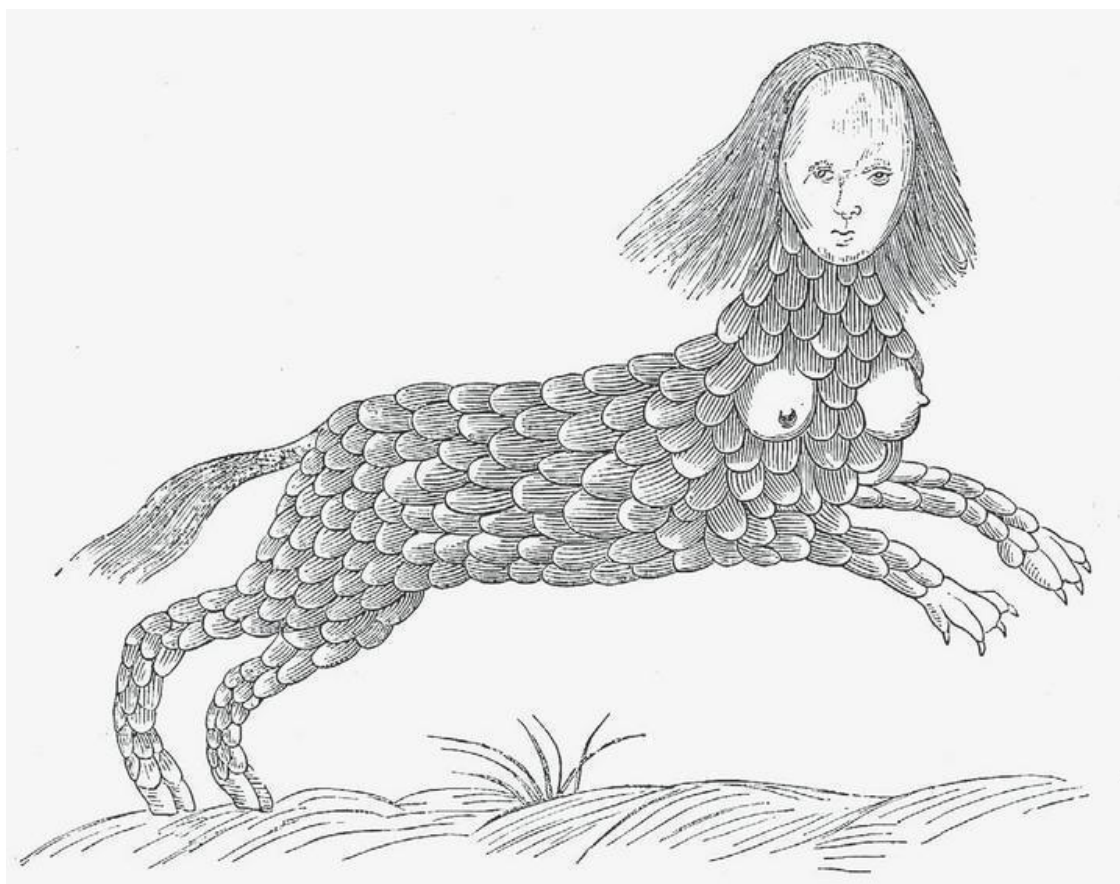

Геката. Из книги С. Малларме «Античные боги». 1880 г.

Об этой Гекате позднейшие греческие писатели передавали массу мифов и сказаний; между прочим они оставили нам полное описание обрядов и заклинаний, посредством которых призывавшие ее могли заставить ее появиться. Церемонии были якобы предписаны самой Гекатой; она говорит: «Сделайте статуи из гладко отполированного дерева сообразно с моими более подробными указаниями, которые я сейчас дам. Сделайте туловище этой статуи из корня

дикой руты (*Ruta graveolens*) и украсьте его маленькими домовыми ящерицами; потом замесите мирру, стираксу и ладан вместе с этими животными и выставьте смесь на воздух при нарождающейся Луне. Произнесите затем ваше призывание в следующих словах: “Приди, подземная, земная и небесная Бомбо, богиня дорог и перекрестков, приносящая воздух, ходящая ночью, враждебная свету, благосклонная к ночи и сопутствующая ей, радующаяся лаю собак и пролитой крови, бродящая во мраке блуждающим огнем среди могил, жаждущая крови и наводящая ужас на мертвых. Горго, Мормо, луна из 1000 обликов, услышь благосклонно нашу жертву”. Вы должны употребить столько ящериц, сколько я принимаю различных видов; исполните все тщательно; сделайте мне жилище из опавших лавровых ветвей, и после того, как вы обратите горячие молитвы к моему изображению, я явлюсь вам во сне».

Спутницы Гекаты назывались эмпузами или ламиями; некоторые авторы изображают их как человеческие существа, как ведьм, сопровождающих богиню в ее ночных странствованиях и пользующихся, в свою очередь, случаем пуститься в любовные приключения. Другие представляют их себе в виде демонов, которые, правда, вступают в сношения с мужчинами, но лишь для того, чтобы высосать из них жизненные соки, служащие им для питания. Так как по отношению к такого рода фантастическим образам воображению был открыт неограниченный простор, не стесненный никакими определенными представлениями, то нас не должно удивлять большое разнообразие в описании их.

Ламия. Из книги Э. Топселла «История животных и змей». 1658 г.

Согласно показаниям Плиния, распространение магии в Греции ведет свое начало от некоего Остана, придворного предсказателя Ксеркса, сопровождавшего его во время похода в Грецию и написавшего обширное сочинение о магии; но особенно развилось колдовство лишь после того, как Александр Македонский завоевал Персию и Египет. Тогда не только многие

греки были посвящены в тайные халдейские и египетские науки, но, с другой стороны, и в Грецию прибыли многие жители покоренных стран, так что в эпоху, последовавшую за войнами Александра Македонского, Греция положительно была переполнена персидскими и египетскими прорицателями, которых называли «халдеями, магами и математиками». Благодаря им греки познакомились с чужими религиями, боги которых носили варварские имена, а так как Гомер и Гесиод не оставили для этих богов места на Олимпе, то греки отнесли их к разряду демонов. Народ стал питать к этим толпам демонов страх, которого уже не внушали им старые олимпийские боги, постепенно лишившиеся всякого уважения вследствие своих чересчур человеческих, неоднократно воспетых слабостей. О новых богах не было известно таких поразительных рассказов – греки признали их и стали оказывать им чисто восточное почитание, выражавшееся в призываниях и заклинаниях на персидском, ассирийском и египетском языках, которых греки не понимали и которые они поэтому искажили, так что в конце концов заклинания эти превратились в совершенно бессмысленные формулы. Странствующие же чужеземные кудесники и прорицатели постоянно поддерживали веру в могущество своих богов и демонов.

Из различных древних свидетельств видно, что эти кудесники нисколько не стеснялись прибегать к фокусам и тому подобным обманам, чтобы упрочить свое влияние в народе. Особо обычно было у них заклинаниями вызывать светящийся образ Гекаты. Для этого существовало несколько способов. Прежде всего нужна была совершенно темная комната; там кудесник заранее рисовал на стене асфальтом или каким-нибудь другим горючим веществом человекоподобную фигуру, и, когда лицо, обращавшееся к богине, заклинаниями и другими церемониями достаточно было подготовлено к ее появлению, кудесник подносил огонь к нарисованному изображению, которое сейчас же вспыхивало. Иногда же эти чародеи вместо того выпускали птицу, к ногам которой было привязано какое-нибудь легко воспламеняющееся вещество; перепуганная птица металась, конечно, по комнате, а не менее перепуганный посетитель падал ниц на землю, покрывал себе голову и призывал богиню.

Римляне

Относительно развития суеверия в Риме в древнейшую эпоху мы имеем лишь довольно скудные сведения; но, насколько можно судить, римляне во всем, что касалось существа дела, стояли на той же ступени, что и греки гомеровской эпохи. В древнеримской религии мы не находим настоящего учения о демонах; тем не менее римляне верили в привидения, в души злых людей, осужденные за свои грехи после смерти блуждать по земле. Кроме того, римские писатели упоминают также о *strigae*, то есть старухах или ведьмах, соответствующих греческим эмпузам или ламиям, летающих в образе птиц и пожирающих людей. Нельзя, однако, поручиться, действительно ли все эти представления римского происхождения и не заимствованы ли, по крайней мере, идея их у греков, с колониями которых в Южной Италии римляне очень рано вступили в сношения.

Впрочем, не подлежит сомнению, что уже в древнейшие времена римлянам были известны некоторые магические приемы. О преемнике Ромула Нуме Помпилии рассказывают, что он занимался теургическим искусством, то есть различными действиями, при помощи которых он мог даже заставлять богов появляться в видимом образе. Его преемник Тулл Гостилий, по преданию, был поражен молнией за то, что при одном таком случае обманул богов. Римляне верили также, что при помощи магии можно переманить хлеб с чужого поля на свое, и древнейшие римские законы, Законы двенадцати таблиц (около 450 до н. э.), заключали в себе положительное воспрещение такого образа действий. Дальше этих немногих известий не простираются наши сведения касательно колдовства у римлян до того времени, когда они пришли в непосредственное или посредственное соприкосновение с народами Востока.

Несколько более осведомлены мы о том, что касается искусства прорицания, мантики, или гадания, у римлян. Это искусство у них, так же как и у греков, носило чисто религиозный характер: боги посредством особых знамений выражали свою волю, и людям оставалось лишь толковать эти знамения. Древнейшее учение авгуров, вероятно, исключительно опиралось у римлян на наблюдения за полетом птиц; на это знамение обращали внимание при всех важных общественных вопросах, а также во многих частных делах. Всякий образованный римлянин должен был уметь толковать полет птиц; но для государственных целей назначались особые чиновники, авгуры, которые во всяком деле должны были узнавать волю богов при помощи этого знамения. Слово авгур и означает именно птицегадатель. Авгур очерчивал своим жезлом (*lituus*) некоторое пространство и на этом пространстве после молитвы к богам ожидал от них знамения; последнее толковалось в утвердительном или отрицательном смысле, так что в нем видели прямой ответ богов на вопрос о том, следует или нет приводить в исполнение то или другое предприятие. Для этой цели могли, однако, служить не все птицы, и не всякому давались такие знамения. Голуби могли служить знамением только для царей, потому что эти птицы никогда не летают в одиночку, подобно тому, как цари никогда не выходят без свиты. У некоторых птиц, как, например, воронов, ворон, сов, петухов, знамением служил крик, у других, как, например, у орла и коршуна, – полет. Благоприятным считался у одних птиц полет справа налево, у других – слева направо.

Позднее, когда вера в старинные способы прорицания несколько ослабела, между тем как государство, в силу традиции, все-таки сохраняло должность авгуров, был изобретен новый прием, именно получать знамение посредством кормления кур. Для этой цели держали в клетке молодых кур, и когда нуждались в знамении, то выпускали их и наблюдали за тем, как они пожирали брошенный им корм. Если они жадно набрасывались на него, так что даже роняли часть из клюва, – это был отличный знак; если же они, напротив, не обращали внимания на корм, это толковалось как предвестие беды. Такой способ был, разумеется, очень удобен, так как легко можно было заранее обеспечить себе желанный знак, заставив кур голодать или, напротив, предварительно накормив их.

У своих ближайших соседей, этрусков, римляне уже в очень раннюю эпоху научились многим другим формам прорицания. Этруски были древним итальянским племенем, происшедшим, по свидетельству Геродота, из Лидии. И действительно, сходство между этрускими и халдейскими произведениями искусств настолько велико, что не оставляет сомнения относительно близкого родства этих двух народов. С другой стороны, и между приемами этрусского и халдейского искусства прорицания наблюдается столь полное сходство, что его странно было бы объяснять делом случая. Почти все те виды мантики, на которые мы указали выше как на общеупотребительные у халдеев, существовали, по свидетельству древних авторов, и у этрусков. К числу различных отраслей мантики у этрусков, как и у халдеев, принадлежали: толкование чудесных событий, наблюдение за молнией, за внутренностями жертвенных животных, за полетом и криком птиц, за новорожденными уродами и т. п. Со всем этим вскоре познакомились и римляне. Сначала они приглашали этруских гаруспиков, то есть исследователей внутренностей жертвенных животных; позднее же вошло в обыкновение посылать знатных юношей в Этрурию для обучения различным видам мантики. Но из этих видов получили, кажется, распространение в Риме, по крайней мере по отношению к государственным предприятиям, лишь наблюдения за внутренностями животных и за молнией.

Наконец, Римское государство обладало еще в высшей степени замечательным произведением из области магии, это были Сивиллины книги, к которым и обращались за советом в особенно трудных и критических случаях.

Как рассказывает предание, царю Тарквинию Гордому было предложено сначала купить девять таких книг; но он нашел цену их слишком высокой; тогда продавец сжег сначала три книги, потом еще три; наконец царь купил оставшиеся три за ту же цену, в какую были оце-

нены все девять книг. Они были написаны греческим гекзаметром на пальмовых листьях. Их положили на хранение в храм Юпитера Капитолийского; и для толкования их была учреждена коллегия из пятнадцати человек, которые должны были сохранять в глубокой тайне содержание книг. Предполагают, что эти книги представляли собрание изречений греческих оракулов, изложенных таким образом, чтобы они могли годиться на все времена. Цицерон говорит по этому поводу: «Автор изложил их так искусно, что все происходящее можно считать предсказанным в них, так как в этих изречениях нет никаких указаний на определенных людей или определенную эпоху. Кроме того, он нарочно выражается так темно, что одни и те же стихи в различные эпохи могут быть отнесены к совершенно различным событиям. Строение стихов показывает, однако, что они написаны не сумасшедшим; в них виден скорее результат искусства и прилежания, чем плод внутреннего возбуждения и волнения». Это сочинение, к которому, как уже было сказано, обращались за советом в необычайных случаях, когда искусство авгуров и гадателей по внутренностям (гаруспиков) оказывалось недостаточным, погибло во время пожара около 400 года н. э.

Когда римляне расширили свое господство в Италии и вступили в соприкосновение с чужими народами, они, подобно грекам, переняли у них многие религиозные и суеверные представления. Благодаря этому римские воззрения скоро приблизились к описанным нами выше греческим.

Евреи

Говоря о народах, исповедовавших истинные религии – ветхозаветную еврейскую и христианскую, – необходимо строго различать отношения к волшебству самой религии от тех уклонений от нее в действительной жизни, которые обусловлены были невежеством, непониманием или прямым отступлением от предписаний религии.

Из всех народов древности ни один не был настолько чужд суеверию и вытекавшему из него колдовству, как народ еврейский. Еврейская религия, чистейший монотеизм, какой только когда-либо существовал, не признавала никаких духов, ни добрых, ни злых, которые могли бы иметь значение, помимо Иеговы, творца и промыслителя мира. Отсюда вовсе не следует, однако, чтобы народ еврейский совершенно не был знаком с магическими действиями. Мы видели выше, что колдовство, или оперативная магия, бывает двоякого происхождения. Подобно халдейской и имеющей с ней много общего египетской магии, оно может основываться на представлении о борьбе между богами и демонами, и тогда имеет целью заклинание последних при помощи известных формул, или же, подобно всей европейской магии, колдовство может вытекать из представления о воздействии, оказываемом на природу вещей произносимыми словами (или начертываемыми знаками). Хотя последняя форма совместима с чистым монотеизмом, так как она даже вовсе не предполагает веры в низшие духовные существа, однако с такого рода колдовством евреи никогда не приходили в соприкосновение, а сами они, понятно, не могли его изобрести.

Евреи были уже с древнейших времен знакомы с магией египтян и соседних с ними языческих народов, находившейся, разумеется, в тесной связи с религией и со множеством богов этих народов. Поэтому занятие волшебством было для евреев равносильно идолопоклонству и отпадению от Иеговы. В законе Моисея волшебство сопоставляется с идолопоклонством; то и другое строго воспрещено. Мы читаем в Пятой книге Моисеевой (Втор. 18:10–12): «Не должен находиться у тебя проводящий сына своего или дочь свою чрез огонь, прорицатель, гадатель, ворожея, чародей, обаятель, вызывающий духов, волшебник и вопрошающий мертвых; ибо мерзок пред Господом всякий, делающий это, и за сии-то мерзости Господь Бог твой изгоняет их от лица твоего».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.